

Виктор
Лихачев

Ангелы
уходят
не прощаясь

Annotation

"Ангелы уходят не прощаясь" - последнее, что успел написать Виктор Лихачев. Произведение осталось незаконченным, но именно в нем писатель предстает перед читателем таким, каким он был на самом деле: искренним, верующим, не скрывающим своих недостатков. Исходивший и изъездивший почти всю страну, побывавший в самых отдаленных ее уголках, Виктор отразил на страницах книги свою безграничную любовь к России, к русской деревне, а самое главное - путь человека, обретшего и принявшего в свое сердце Бога.

- - [Виктор Лихачев](#)
 -
-
-

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

Виктор Лихачев

Ангелы уходят не прощаясь

Я уйду в неясный день,
Там в долине плачет птица.
Может, это коростель?
Может, это только снится?

Или ночью, в час глухой
Я уйду, забыв потери,
И оставлю за собой
Старый дом и скрипы двери.

Этот скрип вздох обо мне
Ничего уже не значит,
Засмеется дочь во сне,
Под подушкой крестик пряча.

Только должен я уйти
В час любой, в пургу и слякоть,
Будут грозы на пути,
Будет в ивах ветер плакать

Или это коростель
Все зовет меня в дорогу?
Я уйду в неясный день,
Чтоб найти себя и Бога.

Кстати, домов в деревне много? Ты что, глухой? Домов, говорю, много?

Писатель открыл глаза. Солнечный зайчик, веселый посланник ласкового сентябрьского утра, озорничая, пробежал по стене сверху вниз, однако хозяин однокомнатной квартиры в девятиэтажной высотке, только хмуро хмыкнул, давая этим понять, что от нового дня он ничего хорошего не ждет. Более того, не считая себя прозорливцем, писатель мог с точностью до минуты сказать, как сложится его сегодняшнее бытие. Вот сейчас он будет лежать в постели где-то с полчаса, мучаясь угрызениями совести. Дело в том, что вчера им самим в очередной раз было дано честное-пречестное слово, что с завтрашнего дня, то бишь, с сегодняшнего дня он начнет новую жизнь. Новая жизнь, как понятие включало в себя следующее: писатель должен встать в шесть утра, сделать зарядку, принять холодный душ, затем отказавшись наконец-то от кофе, выпить полезного зеленого чая, до обеда написать статью про Ирак и Буша, чтобы ему пусто было, затем наконец-то начать работать над новой книгой, забыв при этом про магазин напротив дома, где продается коньяк в стограммовых бутылках, а также водка в емкости большей ровно в два с половиной раза. Вечером обязательно прогулка по лесу, затем чтение хороших книг, благо их список уже давно составлен. И, возвращаясь домой, обязательно набраться столько силы духа, чтобы не зайти в тот же магазин напротив, забыв о чудном крымском портвейне,

который там продается Что еще? Впрочем, это не важно, ибо сегодня зарядку он сделать, похоже, не сможет. Нет, это вовсе не слабость, а элементарное здравомыслие: вчерашний портвейн был крепок, а его сердце, увы, не железное. И сегодня оно должно отдохнуть. Разве вот что кофе в последний раз, чтобы лучше про Буша написать

Внезапно раздался звонок. Кому, интересно, нейметя в такую рань? Простите, вас Иркутск беспокоит. Кто? Иркутск.

Интересно, что я сделал плохого целому городу?

Понимаем, что разбудили. А у нас уже скоро полдень. Алло, вы слышите?

Слышу. А кто, собственно, говорит?

Борис Николаевич.

Только не говорите, что вы Ельцин.

Да нет, я Чернов. Помните, написал вам по поводу вашей книги?

Теперь вспоминаю. Слушаю вас, Борис Николаевич.

Я еще приглашал приехать к нам, на Байкал. Вы сказали, что таких денег не соберете, чтобы доехать.

Точно. Будете смеяться, но сейчас я в соседнюю Тульскую область выбраться не могу, и все по той же причине.

Еще как понимаю: сами так живем. Ну, так вот: мы вас ждем. Все уже решено, слава Богу.

Не понял.

Вы к нам летите. Сегодня в три часа дня. По-вашему в десять.

Борис Николаевич, простите, но у меня на календаре не первое апреля, а четырнадцатое сентября.

Слушайте внимательно: из Жуковского в три часа летит грузовой Ан-12. Летит к нам на авиазавод. В самолете три пассажирских места, одно забронировано для вас

Сначала писатель решил сказать старосте одного из иркутских храмов все, что он думает о его затее, но так взволновано и радостно звучал голос Бориса Николаевича, сообщавшего как бы между прочим, что завтра у него, писателя, встреча с читателями в местной библиотеке, послезавтра поездка на Байкал, а на после-после завтра запланировано знакомство с Бурят-Монголией Он слушал и думал: Если я сейчас соглашаюсь, то выпить кофе уже точно не успеваю. Наконец-то хоть раз, но сдержу слово. И ответил коротко: Ждите, вылетаю.

* * *

Это были удивительные десять часов полета. Писатель словно возвращался в детство. Только тогда он мог часами смотреть, как за окном вагона мелькают деревья, озера, поля, города. Вот и сейчас, во время полета, ему не лень было все десять часов, не отрываясь, глазеть в иллюминатор, где под крылом самолета лежала Россия. Все было по-настоящему и одновременно уменьшено, как по мановению палочки волшебницы-феи. Полноводные реки превращались в тоненькие серебряные нити, огромные города занимали места не более гнезда какой-нибудь пичуги, а маленькие просто казались божьими коровками, ползущими по зелени листа. Все последние месяцы он жил с таким чувством, будто у него, прежде крылатого, кто-то взял и украл крылья. А ведь, кажется, еще Блок говорил когда-то: Главное не терять крыльев. И, кто знает, может быть оттого и было так муторно у него на душе, оттого рвалась душа не в небо, а к рюмке, что без крыльев до неба не долетишь? И пусть сейчас он и не вернул их, но зато смог вспомнить, благодаря этому допотопному старенькому Ан-12, что значит летать

А потом были счастливые несколько дней. Теплые встречи, незабываемые впечатления. Дни

летели, как часы, часы мчались, как минуты. Возвращаться домой не хотелось, но, как говорили древние: *Dukum est telum necessitas*, жестокая стрела необходимость: все хорошее когда-нибудь заканчивается. Семья Черновых устроила писателю роскошные проводы, он со всеми простился, собрался в дорогу и не полетел: как оказалось, добрый знакомый Ан-12 летел обратно в Москву только тогда, когда в наличии имелся груз. В тот день его не оказалось, как, впрочем, не оказалось и на следующий день. Писатель не на шутку разволновался: так можно было остаться и без работы. Глядя на его дергание, Борис Николаевич спросил:

Вы действительно хотите улететь? Смотрите, а то вы нам понравились. Оставайтесь.

Нет уж, теперь вы к нам.

Хорошо. Тогда поехали.

Куда?

К нашему святителю. Иннокентию Иркутскому.

Что ж, подумал писатель, к Иннокентию, так к Иннокентию. Он был согласен на все, лишь бы остаться примерным человеком и вовремя прилететь домой. И, следуя примеру древних римлян *Nihil contemnit esuriens* Голодный ничем не пренебрегает, отправился вместе с Борисом Николаевичем в главный храм Иркутска.

В храме было малоллюдно. Чернов делал все обстоятельно и спокойно: купил два акафиста святителю, свечи. Они встали у раки с мощами святителю и начали молиться. Точнее, молитвы вслух читал Борис Николаевич, а писатель вслушивался в смысл слов, время от времени осеняя себя крестным знамением. Когда они закончили, Чернов сказал:

Все, завтра вы летите.

Сказал так буднично и просто, что писатель даже немного возмутился внутри: Откуда такая самоуверенность? Но, как ни странно, Борис Николаевич оказался прав: утром им позвонили и незнакомый женский голос сообщил: Самолет вас ждет. Если Чернов воспринял известие, как должное, то писатель хмыкнул про себя: Случайность.

Вот и долгожданный Ан-12. Самолет стоял на взлетной полосе, и пока его заправляли, какой-то человек в форме летчика, стоя чуть поодаль, растерянно чесал затылок.

Что-то случилось, командир? догадываясь, с кем он имеет дело, спросил писатель.

А то нет? Двадцать лет летаю, а такого еще не было.

Не понял

Так и я не пойму, с какой кстати в Москву лечу с ящиком гвоздей

Писатель торжественно улыбнулся:

Ну, положим, вы не только ящик гвоздей везете, а еще более ценный груз

Уже заранее предвкушая десять часов счастья, он занял место у иллюминатора. Его попутчиком оказался словоохотливый мужчина, назвавшийся Владимиром. Владимир был дядей недавно погибшего в авиакатастрофе известного тележурналиста, но о племяннике говорил мало. В основном о многокилометровых крестных ходах по России, в которых участвовал. Писатель слушал с интересом, не переставая смотреть вниз. Туда, где не встречу с могучим Енисеем, несли свои воды красавицы Ангара и Бирюса. Мерно гудели моторы, что-то рассказывал Владимир. Поднялся радист и подошел к какому-то щитку с приборами. Долго смотрел на них, затем с досадой стукнул кулаком по панели: Опять радар не работает! Писатель, оторвавшись от эпического пейзажа, посмотрел внимательнее на летчика. Нос у него был подозрительно красный. Писатель вспомнил, как его друг, офицер Саша Фролов однажды рассказывал полушутя, полусерьезно, что в грузовой военной авиации работают люди, которые с Бахусом на ты. Писатель еще раз посмотрел в иллюминатор, но увидел уже не эпически красивый пейзаж, а только крохотную, с муравья, тень от самолета. Их самолета, в котором находился еще более крохотный он. И почему-то мгновенно представилось, как у старика Ана,

отказывает сначала один мотор, потом другой. И вот он, замерев на секунду, камнем падает вниз. Жуткий до мерзости страх вполз в сердце писателя. Ему казалось, что вот-вот и наступит та самая тишина, когда останавливаются моторы. В памяти, из самых ее глубин, всплыли строки песни, слышанные в далеком детстве: Однажды в полете, однажды в полете, однажды в полете мотор отказал. И надо бы кричать, не вышел полет

Кстати, а почему им не выдали парашютов? Писатель обернулся к Владимиру, который мирно спал, выронив на пол книгу. Счастливый! Страх стал просто невыносимым. И впервые за многие месяцы, а может быть, даже годы, из самого нутра писателя вырвалось: Господи, помилуй! Никогда еще он не молился так горячо. Молился шепотом, боясь разбудить спящего, боясь выглядеть смешным в глазах экипажа, но молился, по-прежнему с замиранием сердца ожидая тишины, которая сейчас наступит. Господи помилуй!, Господи помилуй! так прошли полчаса, час. Страх не исчезал, писатель понимал, что если так будет продолжаться и впредь, то до Жуковского долетит, если долетит, конечно, просто сумасшедший человек. А до Жуковского было еще восемь часов лета.

Продолжая молиться, он поднял книгу, прочитал заглавие: Красная пасха. Или Пасха красная? Писатель с трудом вникал в происходящее. Оптиная пустынь. Какие-то монахи Но постепенно разум стал вникать в суть написанного. Стало интересно. Он уже и ранее слышал о том, что на Пасху 1993 года в Оптиной пустыни убили двух послушников и иеромонаха. Убийцей оказался сатанист. Сам писатель был в Оптиной за два года до этого и, кто знает, может он видел убиенных мучеников или даже говорил с ними. Страница, другая, третья, и о чудо! страх стал таять. Так тает кусочек льда на теплой ладони, превращаясь в маленькую лужицу. Так исчезает, испаряясь, обычно в небе последний след вчерашнего ненастья. Книга заканчивалась, осталось посмотреть фотографии. Самолет, качнув крылом, пошел на посадку На писателя смотрело аскетически худое и строгое лицо иеромонаха Василия, одного из убиенных мучеников. Смущенные руки спрятаны за мантией на груди. А глаза Где-то он видел эти глаза Было в них что-то не здешнее, не земное, словно отец Василий прозревал какие-то иные миры. Писатель вздрогнул. Он вспомнил и это лицо, и тот летний день, когда калужские друзья-журналисты впервые привезли его в Оптину. Пустынь тогда еще стояла вся в лесах. После многолетнего забвения восстанавливались храмы, кельи. Тогда писатель только начинал свои пешие походы по Руси. В тот год он решил пройти пешком от Оптиной до Мещеры. Кто-то из монастырского руководства благословил его осмотреть и пустынь, и скит с кельей преподобного Амвросия. А в сопровождающие ему дали высокого стройного монаха, оказавшегося и прекрасным гидом. Напоследок писатель не удержался и похвастался, мол, иду пешком по России, шестьсот верст не шутка. Монах тогда впервые улыбнулся. Он перекрестил писателя и сказал: Ангела хранителя вам в дорогу! С тех пор было пройдено не шестьсот, а несколько тысяч километров, но вот что странно: никаких серьезных неприятностей в дороге с писателем не происходило, будто и действительно его сопровождал Ангел-хранитель, оберегая от лихих людей, злого зверя, болезней и ненастий А он тогда даже не спросил имени монаха. Значит, через два года именно его, иеромонаха Василия, а это был он, тот человек, от которого впервые в жизни писатель услышит: Ангела-хранителя вам в дорогу!, настигнет безжалостное лезвие ножа И, получается, что все эти годы, за него, грешного просил перед Богом не просто монах, а мученик Вот и сегодня он спас его. И то, что это было именно спасение сомнений у писателя не было.

С трапа самолета на подмосковную землю спустился уже совсем другой человек, по крайней мере, писателю в это очень хотелось верить. Он уже с досадой вспоминал о длинной череде пустых дней, потраченных на сочинение бестолковых статей, на вино, созерцание потолка и декларирование грустных хокку:

В поле тихо.
Бабочка летает.
Бабочка уснула.
Все песни спел сверчок,
Одна скорлупа
Шелестит на ветру.

Сверчком был он опустошенный, пресыщенный, усталый, одинокий. Нет, я еще докажу, что не шелестящая на ветру скорлупа и уснувшая бабочка это не про меня думал писатель, приближаясь к родной многоэтажке. Что ж, главное, как он будет доказывать, на данный момент было вопросом второстепенным. А вот и знакомый магазин. Ноги, словно сами по себе, замедлили шаг. Такой перелет Он устал Надо бы отметить Правда, неплохо бы свечку поставить Николаю Угоднику. Пожалуй, завтра.

Давно вы у нас не были, приветливо улыбнулась продавец. Вам как обычно?
Мне? Не знаю Нет А пожалуй Да!

Только на следующее утро писатель удосужился включить автоответчик. Женщина, словно смущаясь разговаривать не с живым человеком, а с записанным на пленку голосом, пролепетала: Читатели Энска помнят встречу с вами и были бы рады встретиться еще раз, в любое удобное для вас время.

Писатель, вспомнив с какими мучениями он добирался до Энска, как реализовал всего пять книг, даже не окупив дорогу туда и обратно, прослушав сообщение, произнес: Ждать вы будете долго, ребята. Затем он выпил какую-то горькую бурду, именовавшуюся зеленым чаем и отправился на работу. Спускаясь по лестнице, увидел, что в почтовом ящике лежало письмо. Странно, но письмо, судя по обратному адресу, было из Энска, от настоятельницы местного монастыря матушки Евфалии. Настоятельница Свято-Троицкой обители в представлении писателя была героическим человеком. Всего с двумя послушницами она поднимала из руин некогда знаменитый монастырь, связанный с родом Милославских, находивших здесь вечное упокоение. Когда писатель два года назад ходил с матушкой подле разрушенных надгробий, смотрел на печальные остовы монастырских врат, видел, как из единственного полуразвалившегося храма выносили тонны мусора, он недоверчиво качал головой, слушая монахиню, не сомневающуюся в том, что обитель вскоре встанет из руин.

Ой ли? Вы мечтатель, почище Ленина.

Нашли с кем сравнить! Я не мечтатель. Господь нам помогает, потому и верю, что сдюжим.

И вот матушка пишет, что храм восстановлен, в нем идут службы. Восстановлены и ворота. В одной, правой от въезда башенке они сделали маленькую, но очень уютную келью. Было бы славно, если бы вы к нам приехали, пожили, сколько Бог даст. Вы же говорили, что в городе жизнь суетная и порой трудно урвать минутку, чтобы поработать над новой книгой. Вот у нас и поработаете.

Писатель вспомнил, какой чудесный вид открывается из монастыря на Энска, стоящий на высоком берегу Волчицы, прихотливо несущей свои чистые воды среди полей и дубрав серединой России. Вспомнил, как славно поют цикады длинными летними вечерами, как чудесно пахнет маттиола в крошечном монастырском садике, вспомнил и вздохнул. Он действительно за последние полгода не написал ни строчки новой книги, а там Нет, нет, все это слишком нереально. Надо будет написать и поблагодарить и матушку, и директора библиотеки. Хорошие они люди, но И он отложил письмо в сторону.

Разумеется, ни завтра, ни на следующей неделе он им не ответил, как и не сходил в церковь,

чтобы поставить свечку Николаю Угоднику.

* * *

Много лет назад кто-то из остряков впервые сравнил человеческую жизнь с зеброй. Белая полоса, черная, затем опять белая. Но спроси кто нашего писателя о его жизни, он бы ответил, что она у него ни белая, ни черная, а какая-то серая. Вроде ничего плохого нет, но и хорошего тоже. Так, середина, только не золотая, а какая-то тусклая и блеклая, как серое осеннее небо. Иркутская поездка, Байкал, казались теперь далеким чудесным сном, страх, охвативший его в самолете минутной, а потому вполне простительной слабостью. Только сушеный омуль, лежащий в холодильнике, напоминал ему о том, что это был вовсе не сон.

А затем все начало стремительно меняться. Все началось в день города. Писатель славно посидел в парке с друзьями. Ближе к полночи он решили встретиться еще раз: согласно новой моде, дни города заканчивались роскошным фейерверком, посмотреть на который собиралось все местное население от мала до велика. А пока оставалось время до фейерверка, прогуливался в толпе гуляющих, останавливаясь то у одного, то у другого аттракциона. Неожиданно его глаза встретились с глазами очень скромно одетого молодого человека.

Здравствуйте! сказал юноша и назвал писателя по имени-отчеству.

Добрый день!

С праздником вас.

И вас также.

Вы, наверное, не поняли меня, смутился юноша, я не о дне города.

Вот как? А о чем же?

Сегодня Воздвижение Креста Господня.

А-а, протянул писатель. Ему стало досадно и неловко. Такой большой праздник, надо бы сходить в храм. И свечку надо бы

Спасибо. И вас поздравляю с, но он уже говорил в пустоту. Незнакомец исчез также неожиданно, как и появился.

Ну и ладно, думал писатель, в следующий раз не пропущу. Какой у нас следующий большой праздник? Покров? Вот на него и схожу в церковь.

Успокоившись, он пошел дальше вдоль торговых рядов и аттракционов. Его внимание привлекла кричащая, кого-то подбадривающая толпа. Он пошел на шум и увидел, как в доброй старой забаве сошлись с десятков мужчин и парней, перетягивавшие канат. Силы команд были равны, а потому середина каната, помеченная красным бантом, оставалась неподвижной. Какой-то паренек подбежал к одной из команд и стал тоже тянуть канат. Азарт передался и писателю, добавим сюда врожденное чувство справедливости, которое заставило его присоединиться к противоположной команде. Он схватился за свободный кусок каната, уперся что есть силы ногой в землю и крикнул: Поднажмем, ребяташки!

Что произошло дальше, писатель так и не понял. В районе колена что-то щелкнуло. Так валится под косою старый высохший камыш. Взмах, хруст, и вот узе камыш, еще вчера гордо качавший своей головкой, лежит на земле. Писатель рухнул на землю. Вокруг засмеялись. Кто-то крикнул: Слабоват, дядя! Мотнув с досады головой, писатель поднялся. Под чашечкой ныло, но он стоял нормально. Наверное, оступился, подумал он, но еще раз ухватиться за канат не успел, его команда проиграла.

Покинув ристалище, писатель решил немного посидеть. Увидев на возвышении скамью, направился к ней. Наступил на правую ногу и опять: щелк! и он, как подкошенный, вновь

валится на землю. Какие тут фейерверки: боль была жуткая. Он поймал свободное такси. В больницу, пожалуйста! Привычно занес ногу, чтобы сесть в машину и вновь с криком упал вниз, умудряясь со всего маха удариться виском о дверь автомобиля. От боли, беспомощности, обиды у него навернулись слезы.

Врач, осмотревший его, был лаконичен:

Связки порваны, батенька.

Что же делать?

Беречь ногу. Я бы посоветовал ходить с палочкой. Тяжести не носить. Стараться не делать упор на больную ногу.

А как долго это будет продолжаться?

Увы, обнадежить не могу. Полгода, год, а у кого и до конца жизни. У врача было явно хорошее настроение.

В последующие два дня писатель успел упасть раз десять. В лифте, на работе, в магазине, на автобусной остановке, дома в ванной. И, всякий раз, кряхтя и пытаясь с четырех конечностей встать на две, он подбадривал себя: Ничего, ничего, значит, Господь не оставляет. Но если писатель искренне верил в то, что говорил, то мог быть просто счастлив: еще через день, переходя железную дорогу и, пытаясь побереечь больную правую ногу, он встал на рельс левой. Неожиданно ступня поехала и Все тот же врач встретил его как родного:

Что-то вы зачастили к нам, батенька!

Мне не до шуток, доктор. Посмотрите нога.

Эк ее раздуло. Здесь больно? А здесь? Пошевелите. Рентген для подстраховки сделаете, но думаю, перелома нет. Растяжение. Сегодня вечером обязательно держите ногу в холоде. Хорошо бы палочку. Опирайтесь на другую ногу

Вы издеваетесь?

Простите, забыл. Какая-то черная полоса у вас, батенька.

Я заметил, поднимаясь, сухо ответил писатель.

Теперь у него появился весомый повод не идти в храм. Зато когда ему позвонили из одной московской оптовой базы и сказали, что ждут книг, он быстро встал на ноги, нашел машину и, даже не отпросясь с работы рванул в Москву. Писатель никогда не пристегивался ремнем безопасности, но перед постом ГАИ или как оно теперь называется, он последовал совету водителя, и пристегнулся. А потом наверное, просто забыл отстегнуться. Виной ли тому мокрая осенняя дорога, неопытность водителя, но машина, как необъезженный жеребец, рванула в сторону. Навстречу это писатель четко видел, будто наблюдая происходящее в кино, мчалась машина. Господи! До встречи лоб в лоб оставалось с полсотни метров. Но водитель джипа, старикашка в куртке цвета хаки повернулся к своему соседу, и о чем-то с ним спокойно говорил. Ну, посмотри, посмотри на дорогу, гад! мысленно про себя проорал писатель. Бесполезно. Джип на скорости сто двадцать километров в час таранит шестерку, чей багажник доверху набит книгами. Дальнейшее писатель помнил смутно. Удар. Он летит куда-то. Жуткая боль в спине

Что он говорил раньше? Фантосмогория? Нет, то были семечки. А вот это была фантосмогория. Они с шофером кое-как выползли из машины. Водитель, целый и невредимый, стал биться в истерике: оказалось, на машину он копил всю жизнь и купил ее месяц назад. Мимо, не останавливаясь, мчались автомобили. Боль не уходила. Только сейчас писатель понял, как хорошо, что он случайно забыл отстегнуться. Иначе, шансов у нег не было.

В конце концов, они нашли попутку доехали до больницы. Больше всего писатель боялся, что его примет тот самый доктор. К счастью, это был молодой парень, говоривший уверенно и веско:

Где ваши снимки? Так Перелом, батенька.

Как вы сказали? психанул писатель, вынужденный час простоять у дверей рентгеновского кабинета.

Перелом

Нет, после.

Батенька.

Я вам не батенька! Сыночки, блин!

Извините.

Принимается. Вы хотите сказать, что у меня

Да, перелом шестого позвонка. Разумеется, перелом компрессионный. Полгодика полежите и все будет в порядке.

Сколько?! писатель, понимающий, что за эти полгода он не получит ни копейки, запаниковал.

Полгода. И это при условии, что вы будете примерным пациентом. А ложиться надо немедленно.

Простите, не понял. Два часа я, как идиот, со сломанной спиной, таскаюсь по больнице, из кабинета в кабинет, а теперь немедленно ложитесь?

Это не ко мне. Во всей стране бардак, что вы от нас хотите? Не верите посмотрите вот сюда. Это шестой позвонок

Странно, но вечером, когда писатель лежал в больничной палате, к нему, впервые за много месяцев, пришла молитва. Господи, молился он, я никчемная неблагодарная тварь. У меня даже не хватило совести поставить свечу к Твоей иконе. Ты можешь плюнуть на меня и приказать моему Ангелу-хранителю покинуть меня, грешного. Но я, окаянный, прошу Тебя, не оставь меня! Да, я плохой, неблагодарный, но Дай мне еще хотя бы год и я я обещаю нет, не так я клянусь, опять не так!

И вдруг из самых глубин писательского сердца вырвались слова, которых он не мог ожидать: Господи, спасибо тебе за все!

Внутри вмиг что-то оборвалось. Наступила тишина, вместе с которой пришло удивительное спокойствие. Неужели еще минуту назад волновало, на что он будет жить эти полгода? Беспокоило, что станет с сотней книг, лежащих в багажнике автомобиля? Господи, спасибо Тебе за все! Только сейчас писатель понял, увидел себя бегущим, как белка, только не в колесе, не имеющим ни начала, ни конца, а по узкой дорожке, ведущей к тупику. К высокой кирпичной стене. Еще секунда, и он врежется со всего маха в эту стену Но чья-то рука, сильная и одновременно добрая, останавливает его в нескольких сантиметрах от стены. Ему больно и хорошо. Веки стали тяжелыми. Писатель уснул. Последнее, что он помнил его собственные слова: Господи, спасибо Тебе за все!

Проснулся он от легкого прикосновения к плечу: Больной, проснитесь! Идет обход. Какой обход? Почему он идет? Вообще, где я? Вообще, кто я? Писатель проснулся и спросил: Какой сейчас час? Ответа он не услышал, зато мозг профессионально подсказал: Сейчас час Неправильно сформулировал,

Но уже через секунду писатель забыл про это. В палату входили люди в белых халатах, среди которых он узнал того врача. Нет, Боже, только не это!

Только ничего не говорите. Пожалуйста!

Как, совсем ничего? Поинтересоваться, как зав отделением, что с вами, я могу?

На эти слова быстрее всех прореагировал вчерашний врач:

Больной поступил вчера. Компрессионный перелом позвоночника

Снимки есть? перебил его заведующий отделением.

Конечно. Вот, смотрите. Шестой позвонок.

Скалеоз, видимо еще детский, вижу. А где перелом?

Странно, но вчера был

Вадим Евгеньевич, вы себя нормально чувствуете? Вчера на снимке был, а сегодня исчез. Нет, Валерий Иванович, правда был!

Хорошо, мы разберемся потом, ответил заведующий и обратился к писателю:

Батенька, я бы на вашем месте.

Уже.

Вот и славненько. А вы в рубашке родились. Если бы не ремень

Доктор, вы в это сами-то верите?

Не понял

В ремень. Я его первый раз за всю жизнь забыл расстегнуть.

Забавненько. Простите, интересно получается: может, действительно есть то, что неподвластно нашим мудрецам?

Есть, доктор. И не ругайте вашего помощника.

Тот мигом откликнулся:

Нет, правда, Валерий Иванович, я вчера

Я же сказал, после! и, вновь обращаясь к писателю:

Говорят, Бог любит троицу. Желая нам обоим увидеться в другой обстановке. Например, на вашем творческом вечере.

Вот как? искренне удивился писатель, а почему вы ни разу не подошли подписать книгу?

Не поверите, но постеснялся. Да и очередь к вам большая была.

К вам тоже немаленькая. Всегда.

И впервые за много месяцев писатель рассмеялся. От души.

Да, кстати, а какое сегодня число?

Будете смеяться

Уже смеюсь

Тринадцатое, пятница.

Выходит, сегодня Покров?

Выходит, так

Служба еще идет Доктор, выпишите меня скорее

* * *

Первым делом, вернувшись из храма домой, писатель набрал номер библиотеки Энска.

Надежда Михайловна? Да, это я. Тоже, тоже рад вас слышать. Скажите, а мой приезд к вам еще актуален? Когда? Да в следующие выходные и приеду. Спасибо, обязательно захвачу. Скажите, а вы матушку Евфалию из Свято-Троицкого монастыря встречаете? Каждый день? Вот как славно! Передайте ей, пожалуйста, что я получил ее письмо. И и одним словом еду.

* * *

Вообще-то писатель был очень пассивным человеком, если считал, что ему достаточно поставить свечку в церкви, чтобы все в его жизни образумилось. Видимо, он зашел уже так далеко в другую сторону, что трех свечей по десять рублей каждая, было недостаточно, а потому черная полоса в его жизни продолжалась. Готовясь к отъезду, он снял со сберкнижки деньги,

лежавшие на его счету. После писатель и сам не понимал, что заставило его разделить всю сумму на две части: одну положить в паспорт, спрятав его в кармане пиджака, другую оставить в сумке. Он шел домой, когда обгоняя его, буквально пробежал молодой человек, обронивший что-то на ходу. Писатель поднял это что-то. Не сразу, но постепенно до него дошло, что он держит в руках приличную пачку денег. Прошла секунда, затем другая, и он стал искать пробежавшего, которого и след простыл: Эй, молодой человек! Вы потеряли Неожиданно перед ним возник юноша, который зашептал: Что кричишь, приятель? Давай разделим деньги этого лоха. Писатель собирался сказать: Зачем мне эти деньги, но не успел: перед ним, как в сказке, вырос, словно из под земли, тот самый растеряха. Правда, не один, а с тройкой накаченных мужичков: Вы мои деньги не находили? Да вот они. Простите, но у меня были доллары. Откуда я знаю, что у вас было? А вы можете показать содержимое вашей сумки? Да пожалуйста, писатель еле сдерживал гнев.

Смотрите! и он отдал сумку.

Растеряха достал его пачку денег, словно внимательно изучая, затем вернул деньги расщепившему писателю:

Простите.

Они расстались, но не успел наш друг пройти и стони шагов, как услышал чьи-то всхлипы. Плакал паренек лет двадцати. Он стоял на обочине, по-детски вытирая слезы, льющиеся буквально рекой.

Что-то случилось? остановился писатель.

Обво обво ровали!

Кто?

Не знаю! Я деньги поднял они они подошли

Ну и? в сердце писателя стало тревожно. В романах это называется предчувствием. Оно его не обмануло. Правда, лучше не обмануло бы несколько раньше.

Мои деньги вернули я посмотрел, а там бумажки. Я в Москве три месяца вкалывал! и слезы с новой силой полились из глаз незнакомца.

Писатель полез в сумку и достал пачку денег, которую отдавал тому парню. Вверху лежала сотенная бумажка, внизу тоже, а посередине аккуратно порезанная белая бумага. Неожиданно для себя он рассмеялся.

Вам смешно? обиделся паренек.

Не обращай внимания. Сам такой. Сколько у тебя украли?

Семь ты тысяч.

Надо же, у меня осталось десять. Бери семь, а это мне на дорогу.

Вы вы мне даете деньги?

Нет, я отдаю долги.

Не не по понял.

Объясню потом. Бери деньги и не будь ротозеем. Пока.

А вечером Вечером какая-то сила подняла с кровати писателя. И он впервые за много месяцев ощутил тот прекрасный зуд, о котором уже забыл. Захотелось увидеть чистый лист бумаги, захотелось что-то написать на нем не потому, что надо, что кто-то ждет этих строк, а потому, что если он не выжмет эти строки из себя, то Одним словом, в ту ночь писатель не уснул. Точнее, уснул где-то под утро. А на столе лежали исписанные листы. Это был рассказ, который назывался

Следующая станция Тверь. Конечная. Раздался голос из динамика. Задремавший Пашка вздрогнул, потом сладко потянулся. Все. До автостанции всего две минуты ходьбы. Затем три часа до райцентра. Там он поймает попутку и к обеду окажется в родной деревне Еськино. Те долгие полгода, что он жил в Москве, картина возвращения в отчий дом, рисовавшаяся ему душными летними вечерами, была для него единственной отрадой. Пашка знал, что товарищи по строительной бригаде за глаза посмеиваются над ним. После смены он спешил в прокуренный вагончик, опасаясь соблазнов большого города. К тому же ему, деревенскому тихоне, не нравились местные девчата: слишком уж они бойкие. В еде и питье Пашка тоже довольствовался самым насущным. Бригадир Петр Иванович изредка подтрунивал над ним:

-Ты, Павел, хоть и кацап, а почище нас, хохлов, будешь. Сходил бы погулять, пивка попил. А то лежишь целыми вечерами, будто тебе не двадцать лет, а все восемьдесят.

Пашка улыбался, краснел, но ничего не говорил в ответ. Пусть смеются, ему-то что. Он лежал на панцирной койке и представлял, как идет по знакомой до боли деревенской улице, как здороваются с соседями

Привет, Марья Даниловна! Как здоровье?

Иван Матвеич! Мое почтение!

А вот и родной дом. Мама и сестренка бегут навстречу. Сестренка у него замечательная. Невеста! Не в пример этим городским вертихвосткам. Не то, что вина, пива сроду не пила. А работающая какая!

Они зайдут в дом, сядут на кухне под образами. Он достанет московские гостинцы, а потом достанет книжку Северная повесть писателя Паустовского ее он взял из дома не только для того, чтобы читать. Так вот, он раскроет книгу на сотой странице, и мама с сестренкой ахнут: Денег то сколько! А мама даже слезу утрет: Кормилец ты наш. Пашка по хозяйски еще раз пересчитает каждую купюру и скажет важно:

Ну, мать, отдаю тебе деньги, решай сама, что нам более всего надобно. Но, главное, про Танюху не забудь: свадьба у нее должна быть на высшем уровне. Мать всплеснет руками:

Да как же я про твою сестру забуду? Не волнуйся, родненький, справим мы ей свадьбу. С такими деньгами и не справить. Но ведь и тебе не мешает костюм новый купить. Почитай, как с армии пришел, только кроссовки тебе купили.

Ничего, ответит он, я себе еще заработаю

Такси, пожалуйста, такси, голос мужчины в кожаной куртке вернул Пашку к реальности. Он отрицательно качнул головой и быстро пошел по знакомой аллее в направлении автовокзала. Моросил нудный осенний дождичек, утренние сумерки делали всех людей какими-то одинаковыми. Пашка отметил про себя, что все, кто встречался ему на пути, были одеты в кожаные куртки, что делало их еще более похожими друг на друга. Один человек шел рядом с ним, другой обгонял их. Он бежал во весь опор, видимо, опаздывал на автобус. Вдруг из его кармана что-то выпало. Парень, идущий рядом с Пашкой быстро поднял небольшой пакет: в нем, туго скрученные резинкой лежали доллары. Многие ребята из строительной бригады меняли рубли на баксы, поэтому Пашка знал, как выглядит доллар. На каждой из этих купюр четко выделялись три цифры 100.

Эй, гражданин, стойте! Закричал Пашка. Вы деньги потеряли.

Но человек не услышал его, убегая все дальше и дальше.

Молчи, дуралей! Подал вдруг голос парень, поднявший деньги. Тут же денег куча. Что упало, то пропало.

Но ведь чужие же, возразил Пашка и опять крикнул, уже громче:

Товарищ, остановитесь! У вас день

Слушай, взмолился парень. Я с тобой по-братски поделюсь. Не будь ты идиотом

Пашка в жизни не брал чужого. Он непонимающим взглядом смотрел, как парень прячет пакет с долларами в карман. Нехорошо все это, ох, плохо. А парень говорил все горячее и горячее:

Мы сейчас за угол встанем и все поделим. Я студент, на степуху сейчас разве проживешь? Да и тебе лишние деньги не помешают

Ребята, вы здесь ничего не находили? Как из-под земли перед ними вырос мужчина, обронивший пакет. Был он рыжий, одет в кожаную куртку. Маленькие серые глаза смотрели пристально и тревожно. Пашка хотел сказать: Конечно, находили, я же кричал вам, но парень шепнул ему на ухо: Пожалуйста, не выдавай меня, ради Бога!

Что вы шепчетесь? В голосе мужчины послышался металл. Вы деньги нашли?

Нет, в один голос произнесли Пашка и его сообщник. Только Пашка сказал это неуверенно и тихо, а парень громко и где-то даже с вызовом.

Показывайте сумки! Произнес мужчина. Я свои кровные сразу узнаю.

Пашка хотел возмутиться, но решил, что лучше всего будет показать свои деньги. Ведь все они были в рублях, а не в валюте. Он покажет и уйдет, а уж как они потом с этим парнем разберутся их дело.

Пашка достал Северную повесть.

Вот, смотри, это мои деньги. Твои я бы так быстро не спрятал.

Кто тебя знает, может ты шустрый. С этими словами мужчина взял книгу из рук Пашки и стал задумчиво перебирать купюры.

Убедился? Пашка стал заводиться. Теперь отдавай. В этот момент парень, стоявший за Пашкиной спиной вдруг сказал:

Отстань от человека, мужик, вот твои бабки, и протянул пакет незнакомцу.

Пашка с уважением посмотрел на своего сообщника. Молодец, все-таки решил отдать деньги. Мужчина с видимым облегчением протянул книгу Пашке, но произнес укоризненно:

А говорите, не брали. Сунул свиток в карман и быстро пошел прочь. Правда, почему-то в противоположную сторону. Однако Пашка, у которого словно камень упал с плеч, на это не обратил внимания. А парень произнес:

Давай в разные стороны, деревня. Видать, мужик крутой. Как бы нам морды не набили. И с этими словами побежал на другую сторону улицы.

У кассы народа не было. До отхода автобуса оставалось пять минут. Успел! Пашка назвал место, куда ему надо было ехать и полез в сумку за Паустовским. Раскрыл книгу Денег не было. Пашка похолодел. Руки и ноги вмиг стали ватными. Он лихорадочно стал листать страницы все тщетно.

С вас восемьдесят семь рублей пятнадцать копеек, сказала кассирша. Если можно, дайте с мелочью.

Сейчас, сейчас. Простите. Едва дышавший от ужаса, Пашка полез в сумку. На пол полетели одежда, свертки с гостинцами, документы. Денег нигде не было. И тут только до него дошло, что их украли. Украли эти двое. Забыв о сумке, он рванул на улицу. Потом бросился обратно, бормоча про себя: Как же так? и Только не это, Господи! Схватил сумку и вновь побежал на улицу. Пашка бежал, оглядываясь по сторонам, надеясь увидеть мужчину в куртке. Добежал до вокзала, бросился к таксистам:

Вы вы ему не хватало воздуха, не видели человека в куртке кожаной, с меня ростом.

Таксисты засмеялись:

А мы все в кожаных куртках, и все с тебя ростом. Как он выглядит, человек твой? Приметы особые есть?

Приметы? Да, вспомнил он рыжий.

Опять дружный смех:

В наших краях, почитай, каждый второй мужик рыжий. Да что случилось-то?

Деньги у меня украли, тихо сказал Пашка. Все деньги. Домой вез. И вдруг заплакал.

Заплакал по-детски беспомощно. Смех стих.

Эх, паря, произнес самый пожилой из таксистов. Обули тебя. Много хоть денег было?

Пашка назвал сумму. Кто-то удивленно присвистнул:

Ого!

Я полгода в Москве работал. На стройке. Копил. Продолжая плакать, и шмыгая носом, чуть слышно ответил Пашка.

И денежки твои плакали тоже, насмешливо произнес один из таксистов. В следующий раз умнее будешь.

Замолчи, цыкнул на него старший. Человеку и так плохо. Затем обратился к Пашке:

Хоть какие-то деньги остались? В какие края едешь?

Пашка назвал свой районный центр.

Далеко!

Может мне в милицию пойти? С какой-то робкой надеждой спросил Пашка.

Бесполезно, махнул рукой пожилой таксист. Да и не возьмут они у тебя заявление.

Почему?

А им это надо? Скажут, что свидетелей нет и прощай. Вот что, ребята, обратился он вдруг к своим коллегам, давайте поможем бедолаге. И с этими словами дал пятьдесят рублей. Другие мужики тоже полезли в карманы, доставали деньги и передавали их старшему. В основном десятки. Затем тот пересчитал деньги.

Вот, возьми, протянул он их Пашке. Сто шестьдесят рублей пятьдесят копеек, как в аптеке.

Спасибо вам, с голосом Пашки что-то случилось. Спасибо. Я обязательно верну.

Забудь. Ну, ладно, парень, счастливо тебе, а нам работать надо.

Знакомая касса. Женщина кассир накинулась было на Пашку: Я билет пробила, а вы убежали. Но посмотрев в Пашкины глаза замолчала. Он протянул деньги. Получив билет, растерянно остановился посреди шумного зала. До отхода автобуса оставался целый час. Вокзал жил своей жизнью. Мимо Пашки сновали десятки людей, на него не обращавших никакого внимания. И вдруг он почувствовал, почувствовал впервые в жизни, что ему не хочется жить. Как он теперь вернется домой? Какими глазами посмотрит на мать, сестренку? Вновь встала перед глазами картина: он идет по деревне, Танюха, завидев его, выбегает из дома и со всех ног бежит к нему. И картина эта, раньше доставлявшая ему столько радости, на сей раз причинила почти физическую боль. Он, не понимая, что собственно делает, бродил из угла в угол, время от времени наталкиваясь на спешащих людей, пока не оказался в вокзальном буфете.

Вообще-то он был непьющим человеком. Последний раз пил полтора года назад, когда пришел из армии. Он подошел к стойке и после недолгих раздумий попросил:

Стакан портвейна и котлету.

Сколько будете брать хлеба? невозмутимо спросила буфетчица.

Два, нет, один кусок.

Котлету подогреть?

Не надо. Нет, подогрейте.

Он никогда не пил портвейна. Что означают три цифры 7 на бутылке, Пашка не знал. Но портвейн был самым дешевым из всех спиртных напитков, продававшихся в буфете. Пашка нашел свободный столик у окна. Ему было немножко неловко, поэтому он быстро выпил свой портвейн. Оказалось, что он пьется намного легче, чем водка. Сначала Пашка даже был разочарован: портвейн показался похожим на забродивший сок. Но уже буквально через минуту,

когда он судорожно заедал выпитое котлетой, живот наполнила приятная теплота, а в голове немного зашумело. Через минуту захотелось выпить еще. Пашка залез в карман и достал оттуда пятьдесят рублей. Может быть те самые, что дал ему старший таксист. Впервые за весь день безысходность и потерянности уступили место злости. Ему захотелось взглянуть в глаза тем подлецам, разыгравшим его, как щенка. Но их он больше не увидит, Пашка это понимал. А вот другим людям, которых было много вокруг, он вдруг захотел посмотреть в глаза. И вообще, разве это справедливо, что до него, Пашки, Павла Сергеевича Воробьева, никому в целом мире нет дела? Ему вдруг захотелось встать на лестницу, ведущую из зала в буфет и закричать на весь вокзал, нет, на всю Тверь Опять нет, на всю Россию: Люди, мне плохо! Я никому не сделал зла, почему же со мной так поступили? Люди!!!

Пашка решительно отошел от столика, но вместо лестницы подошел к буфету. Достал смятый полтинник.

Пожалуйста, мне еще

И вдруг взгляд его случайно упал в дальний конец буфета. Там, на полу сидела женщина, судя по виду, славянской национальности. На ее руках спал ребенок. Больной ребенок. В левой, свободной руке женщина держала табличку, на которой было написано: Люди добрые! Помогите, пожалуйста. Нужны деньги на срочную операцию. Пашка слышал, что развелось полным полно людей, спекулирующих на чужой сердобольности. От ребят, коллег по бригаде, он слышал, что в Москве за день такие люди получают до тысячи рублей, которые потом у них забирает мафия. Но здесь была не Москва. А еще Еще они встретились глазами с этой женщиной. И такую боль, такую безысходность увидел в них Пашка, что вдруг к своему удивлению почувствовал в ней родственную душу.

Молодой человек, так я не поняла, вам чего?

Мне? Пашка вздрогнул. Мне ничего. И отойдя от стойки подошел к женщине с ребенком. Протянул ей пятьдесят рублей.

Возьмите, пожалуйста.

И не дожидаясь ответных слов, быстро направился к выходу. До отправления автобуса оставалось пять минут.

* * *

До отъезда оставались четыре, три, два дня. Писатель отдал последние распоряжения, упаковал свой немудреный багаж, не забыв заранее купить билеты и до Москвы, и до Энска. Чтобы быть спокойным за свою холостяцкую квартиру, отключил антенну у телевизора, газовую плиту, холодильник, в котором, впрочем, оставался только один сушеный омуль последнее напоминание об иркутской поездке. Писатель, отдав должное мастерству байкальских рыбаков, съел омуля, запив его местным пивом, а утром Это вновь была какая-то сила, но на этот раз она подняла его не к письменному столу, а к унитазу. Похоже, это было отравление. Писателя несло в самом буквальном смысле этого слова. На еду он и смотреть не мог. Немудрено, что за два дня байкальского побоища писатель потерял шесть килограммов. Но хуже было другое: от слабости его шатало. До отъезда оставалось два часа. Подняв свой багаж, писатель понял, что дальше ближайшего дома ему не дойти. Но обратной дороги не было. Внутренний голос, становясь все громче, шептал ему: Куда тебе ехать? Оставайся! Оклемайся недельку-другую, а потом поедешь. Или не поедешь. Что тебе делать в этой глуши? Ведь написал же здесь Пашку? Значит, не важно где, когда, важно чем сердцем, душой. А ведь этого у тебя никто не отнимет.

Голос был сладок, убедителен. Но писатель чувствовал, что смалодушничай он, откажись от

поездки и все начнется сначала, все повторится хмельное утро, опохмел, беспросветный день, вечер, полный благих надежд Желудок предательски булькал, от слабости подкашивались ноги Писатель, надев рюкзак на плечи, долго сидел у входной двери. Если он сейчас не поедет в Энск, кто его осудит? Да никто. Что, он не человек, что ли? Писатель тяжело вздохнул и вышел из квартиры.

* * *

На вокзале Энска его встречали всей библиотекой, во главе с Надеждой Михайловной. Зеленому, как спирохета, писателю хватило сил только слабо улыбнуться встречающим. В библиотеке его ждал роскошный завтрак сосиски, омлет, сыр, колбаса, чай. Посмотрев на все это, писателю вновь стало дурно.

Вы не больны? глядя ему прямо в глаза, спросила Надежда Михайловна.

Несет меня течение пропел писатель строчку из песни Юрия Антонова. Директор библиотеки не поняла. Тогда он кивнул:

Болен.

Кажется, я знаю, как вам помочь, и, поднявшись, Надежда Михайловна направилась к сейфу.

Ой ли?

Еще мгновение-другое, и Надежда Михайловна извлекла из сейфа начатую бутылку водки и поставила ее перед писателем. Затем, как по щучьему велению на столе оказались стакан и соль. Хозяйка библиотеки очень уверенно плескнула в стакан водки, насыпала туда соли, все размешала.

Пейте!

Простите?

Пейте! Только, чур, не запевать.

Водкой меня еще не лечили

Какие ваши годы! Ну, вперед!

Писатель выпил то, что ему предложили:

Надеюсь, хуже не будет.

Будет лучше. Уже через пять минут.

Удивительно, но через пять минут, впервые за несколько дней, ему захотелось есть. Ему вспомнились сосиски и омлет.

А не будет хуже? У меня, знаете ли, опыт, вновь затянул он свою волынку.

Не будет, сказала, как отрезала, Надежда Михайловна.

И оказалась права.

* * *

Было только лучше. Нет, было замечательно. Так чувствует себя моряк, старый Морской волк, ступивший на палубу родного корабля после долгой отлучки. Или хирург, после длительной болезни вновь взявший в руки скальпель. Сначала небольшое волнение, но проходит секунда, вторая Писатель специально не готовился к встрече. Он попросил Надежду Михайловну отказаться от длительных вступительных слов и просто представить его, что она с радостью исполнила, с облегчением отложив в сторону листок с написанной речью.

Писатель встал, осмотрел зал, дожидаясь, когда войдут последние опоздавшие. В маленьком

зале собралось человек пятьдесят. Для Энска это было просто отлично. Люди сидели очень плотно, лица некоторых из них писатель вспомнил. Вон та девушка с блокнотом это журналистка местной газеты. Кажется, ее зовут Света. А там, в самом углу местный краевед. Это он в прошлый раз водил писателя по Энску. Матушка Евфалия. Пришла. Сидит вроде бы серьезная, а глаза улыбаются С чего начать? Пожалуй, надо поздороваться.

Здравствуйтесь, дорогие на секунду он задумался, как правильно назвать собравшихся. Улыбнулся. Ему сейчас было очень хорошо. Он любил их всех, своих читателей, людей, не пожалевших своего личного времени, чтобы послушать его. И вот в эту, вторую секунду, писатель понял, о чем будет говорить.

Как сказать правильно? Энцы или . продолжил он.

Энцы! дружным хором ответил зал.

Здравствуйтесь, дорогие энцы! Не думал, не гадал, а вот уже второй раз приезжаю в ваш славный город. Переспросил не случайно: иной раз так легко сконфузиться. Помню, выступал я в Ивановской области. Есть там районный городок Южа, а неподалеку от него поселок, название которого вы наверняка слышали Холуй.

Народ дружно закивал.

На той встрече, я это знал, присутствовали жители и Южи и Холуя. Ну вот, вхожу, помнится в зал, и с разбега: Здравствуйтесь, дорогие хохолуи и южане.

Мне в ответ негодуяще: Холуйцы! Южаки! Извиняюсь, конечно. Что-то говорил, а потом, забывшись: Итак, дорогие холуяне. Вы не представляете, что тут началось. Но, слава Богу, все обошлось.

Писатель открыл книгу и продолжил: Писатель почувствовал: зал был его. Он взял в руки одну из своих книг:

Я долго думал, не долго и не думал совсем, но ведь как без красного словца? с чего начать нашу встречу? Тем более, что в прошлый раз я о себе почти все рассказал.

Так не все же были тогда! подал кто-то реплику.

Согласен, но как по второму разу это будут слушать те, кто был? Давайте поступим так. Я приглашаю вас в свою творческую лабораторию, расскажу, из какого сора растет все это, а потом прочту то, что в итоге получилось. Согласны?

Согласны!

Вот рассказ Шиповник. Ничего особенного, но для меня он дорог это самый первый написанный мною рассказ. С тех пор прошло много лет, но тот июльский день я помню до мелочей. Мы, сотрудники редакции районной газеты Маяк едем в командировку в отдаленный колхоз. В старом, издававшем виды газике нас трое: водитель, фотокорреспондент и ваш покорный слуга. Мы довольно-таки быстро сделали все дела в колхозе, пора было трогаться в обратный путь, как вдруг фотокорреспондент говорит, обращаясь ко мне:

Васильич! Тут неподалеку, километрах в десяти-пятнадцати

Ты уж скажи: в двадцати, перебил его водитель, мечтавший побыстрее вернуться домой.

Нет, Леха, пятнадцать больше не будет. Так вот, деревня там стоит, а в ней моя тетушка живет. Какие она оладушки готовит! пальчики оближешь. А речка там какая! Заедем к ней, а, Васильич? Я столько лет ее не видел

Солнце стояло в зените, на работу возвращаться так рано не хотелось, а фотокорреспондент смотрел так просящее

А, семь бед Только, чур: угощение чтоб было по полной

И мы поехали. Впереди, разумеется, водитель, рядом с ним мой коллега, а я сзади. Всю дорогу, пока ехали, сидевший в пол оборота ко мне фотокорреспондент, рассказывал о своем

детстве, проведенном у тетушки, о том, как они, мальчишками, купались в реке, какие славные и добрые люди живут в той деревне. В тот момент я впервые понял, насколько верна народная мудрость: Глаза зеркало души. Мой друг просто светился от счастья. Так ребенок ждет в день рождения долгожданный подарок, с такими глазами девушка приходит на первое в жизни свидание. И вдруг словно облачко коснулось лица моего спутника. Коснулось, и прикрыло солнышко. А потом, потом такую боль, такую тоску я увидел в его глазах. И все за считанные минуты. Ничего не понимая, смотрю туда, куда смотрит и он. Мы приехали. В деревню. А на месте деревни голое поле. Ни домика, ни сарая. Только несколько кустов шиповника вдоль дороги. Мы вышли из машины. Фотокорреспондент закурил. Курил молча. Крепкий, взрослый, не склонный к сентиментальности мужик, а руки у него дрожали. Курил долго. Мы с водителем молчали, понимая, что творится в душе у человека. Затем он резко встал, отбросив сигарету в сторону:

Извините, ребята, задержал я вас. Поехали обратно

Мне осталось досказать немного: ночью я неожиданно просыпаюсь, какая-то сила подняла меня с постели. Достая чистый лист бумаги, ручку и через два часа появился Шиповник. Ну, а теперь мне осталось прочесть вам его.

И писатель стал читать.

Шиповник.

Сны ему снились каждую ночь, но он забывал их сразу же после того, как поднимался с постели. Но один сон, странный, оставивший после себя необъяснимую тоску, помнился до мельчайших подробностей. Вот этот сон.

Ярко-зеленый от молодой травы пригорок, густо усыпанный полевыми цветами, на пригорке церквушка. Было в ней что-то одновременно и сиротское, и величественное. Он бежит к церкви, бежит из последних сил, потому что знает там, за старыми кирпичными стенами, его взору откроется. Что именно откроется этого словами не объяснишь. Родное, необыкновенно чудесное, таинственно притягательное все близко к сути, но все же не то. И чем сильнее ему хочется увидеть, тем труднее бежать: неведомая сила преграждает путь, заставляет напрасно перебирать ногами.

Местность, увиденная во сне, была незнакома, но он не сомневался: там, за пригорком, за полуразвалившейся церковью его родная деревня. Странно. Четверть века прошло с тех пор, как он приезжал туда за матерью, чтобы забрать ее к себе. Несколько лет, как уже нет мамы, городская жизнь не просто захватила его, он по-настоящему забыл, что когда-то жил в деревне. И вдруг эта тоска. Особенно она донимала поздними вечерами. Родные давно спали, все меньше светящихся окон в доме напротив, помаленьку отступали заботы и тревоги отступали без борьбы, ибо знали: завтра утром они вернуться вновь. А на их место приходили бессонница и тоска. И еще воспоминания. Он вдруг стал замечать, что все увиденное или пережитое в детстве, помнилось до мельчайших подробностей. Старинный барский сад, таинственный в своем запустении для него это было лучшее место на свете. Впрочем, нет. Разве меньше времени проводили они с ребятами на пруду. Кто первым бросился в воду, когда тонула соседская Любка? До сих пор в ушах стоит крик проходившей мимо женщины: Люди! Ивансерегева Любка тонет! А уже через минуту Паша выносил на берег мокренькое тельце. Вот кто первым кинулся в воду Паша. Любка только всхлипывала, беззвучно шепча мама синими губами и крепко обхватив ручонками загорелую Пашкину шею. Сколько же тогда нам было? Семь классов закончили, точно.

Одно воспоминание цеплялось за другое, один эпизод вызывал к жизни другой и так почти всю ночь. Наконец он решил, что единственная возможность вернуть сон и избавиться от тоски поехать на родину. Просто и гениально. Там должны еще жить его тетки, двоюродные братья и сестры. На машине пути меньше шести часов. Сказано, сделано. Пришлось, правда, выдержать атаки жены да провести соответствующую беседу с сыном, горячо выразившим нежелание вставать ни свет, ни заря и ехать в какую-то деревню

Какую-то!?! с пафосом подвел итоги беседы отец. Оттуда наши корни, а человек без корней, это Это не человек. Понял?

Но все это было уже вчера. А сегодня раннее воскресное утро, старенький Москвич весело мчит папу и сына по шоссе. И чем ближе деревня, тем больше волнуется отец. Картины встречи с близкими и знакомыми людьми, одна сердечнее другой, теснятся в мозгу. Сын тем временем потихоньку щипал булку, торчавшую из дорожной сумки.

Ты, что никогда хлеба не ел?

А куда им столько? Ну, колбасы это я понимаю, а то хлеб

Дурачок, так в деревне люди хороший белый хлеб ценят, не то, что мы.

Так вот и ехали они отец, с волнением ожидавший встречи с прошлым, и сын, недовольный тем, что его разбудили так рано и что он не посмотрит футбол.

Да ты не переживай, Стас! Ты знаешь, как в деревне теперь живут? У тетки Полины посмотришь свой Спартак или что там еще будет? Пойми, мне очень хочется тебя там показать, пусть посмотрят, какой сын у меня вырос.

Что я картина, чтобы меня показывать? Думал, хоть сегодня отдохну, завтра в школу топать.

Отец виновато вздохнул. Что поделаешь молодость. Но вот справа показались пятиэтажки на берегу большого водохранилища.

Ты посмотри, Стас, вот это да! Когда уезжал, здесь поселочек был, а сейчас смотри, настоящий город. Неплохо смотрится, правда?

Господи, деревня деревней. Наш микрорайон раза в три больше этого города.

Стасу были непонятны восторги отца, и он, отщипнув кусок булки, закрыл глаза и откинулся на сиденье. Еще минут через десять они свернули с дороги. Теперь дорога шла вдоль небольшого леса.

Здесь малины, ешь не хочу! Да открой ты глаза!

И он запел что-то веселенькое, но голос выдавал волнение. Стас улыбнулся:

Первый признак старости сентиментальность. Стареем, батя.

Что? А, домов До войны мать говорила, больше двухсот было. Сейчас, конечно, меньше. Но с полсотни, думаю, будет.

Миновали последний поворот. Вот и барский сад на пригорке. Но что за чушь такая? Сад на месте, а где пруд, где, наконец, дом? Машина остановилась. Он вышел и стал растерянно озираться вокруг. Сзади посвистывая, подошел Стас.

Постой здесь, сынок. Ничего не понимаю. У сада, кажется, кто-то есть Пойду узнаю, что к чему.

У кустов шиповника стояли белые Жигули. Мужчина и женщина рвали крупные ягоды и бросали их в большую корзину. Женщина пару раз оглянулась в его сторону, что-то зашептала своему спутнику. До него донеслось:

Успеется, успеется. Говорила тебе, вчера нужно было ехать. Люди не дураки, разнюхали. Рви быстрее.

Когда же он приблизился к ним, обернулась и очень даже приветливо спросила:

За шиповником? Правильно, полезная ягода. Моему врач велел пить. А вы рвите, ягод всем хватит.

Не за шиповником я, осипшим, глухим голосом произнес он. Хотел сыну родные места показать, приехали, а здесь будто сроду людей не было.

В гости, значит? Рассмеялась женщина. Да тут уж поди пять лет ни одной души нет. Кто помер, кто в город уехал Пстой, а ты, чей будешь? Я ведь здешняя сама, а тебя не признаю. И она впервые с начала разговора оставила шиповник в покое.

Да это Кузьминичны сын, вступил в разговор ее муж. Как она сама то?

В восемьдесят седьмом схоронили.

Ну, ничего, пожила, дай Бог каждому, супруги повернувшись к кусту, принялись опять за работу. И только женщина из-за плеча бросила напоследок: Никого не осталось. Была деревня, а вроде как и не было вовсе. Зато шиповник здесь славный.

Он потоптался на месте, пытаясь продолжить разговор, но из этого ничего не получилось. Повернувшись, пошел в сторону сада. Из машины донесся крик сына

Па, ты чего? Никого ведь нет, поехали обратно. Может, к футболу успеем, и для верности посигналил.

Сейчас, сынок, сейчас, как-то угодливо, будто виновен в чем-то, ответил он. Ты выйди, разомнись.

Кругом простирались бескрайние поля. Где-то в вышине звонко пел жаворонок. Надо же, подумалось ему, когда здесь жил, все недосуг было посмотреть вокруг. Прав оказался отец: помянешь еще меня, сын, однажды позовет тебя земля. Позовет, и никуда от этого не денешься. Говорил, когда провожал меня в город. А я спорил с ним

Мысли его были прерваны сигналами, которые настойчиво подавал Стас. В тишине, стоявшей вокруг, они казались особенно громкими.

Иду, иду.

Солнце катилось к закату. Машина плавно катила по автостраде. Чувствуя приближение дома, оживился Стас.

Дома расскажем обсмеются, весело тараторил он. Ехали к тете Поле, а приехали в поле. Ха-ха. Но ты особо не расстраивайся, мы из этих гостинцев дома пир устроим, так что все в порядке. Бензина только жалко, правда, и не дождавшись ответа, сделал еще одну попытку вовлечь отца в разговор:

А как эта деревня называется? Название чудное, забываю все. И вдруг осекся, увидев, как по лицу отца, внезапно посеревшем, текли слезы.

Пап, ты чего это? Я же не хотел Я же не думал Прости.

Ничего, Стасик, я не обижаюсь. Это я Это моя

Что хотел сказать отец, сын так и не понял. А тот неумело вытер слезы, дал машине газ и произнес глухим голосом, словно прощаясь с кем-то навеки:

Кибень Кибень называется.

* * *

Рассказ был принят на ура, хотя писатель не лукавил, считая его не очень удачным. Незаметно пролетели два часа, но люди не хотели расходиться. Еще с час он отвечал на вопросы, подписывал книги. Последней подошла молодая женщина. Подошла, протянула книгу. Писатель с самого начала заметил ее: очень красивое лицо, роскошные черные волосы, очень живые зеленые глаза. Все портило выражение лица: уголки губ были опущены, от чего казалось, что женщина либо чем-то недовольна, либо ей просто скучно. Она одна во время выступления писателя не смеялась, когда смеялись все, да и вообще никак не реагировала на происходящее.

Подпишите, пожалуйста.

С удовольствием. Скажите, кому?

Наташе.

Какое у вас красивое имя.

Это не мне. Одной девушке. Ей нравятся ваши книги.

Спасибо. А вам, нравятся? подписывая, спросил писатель.

Еще не читала.

Ну, а как вам вечер? странно, но слегка пьяный от успеха писатель, которому люди уже сказали столько теплых слов, очень хотел услышать похвалу и от этой особы.

Нормально, спокойно ответила она, вот только

Говорите, не стесняйтесь!

Да я не из застенчивых, просто не знаю, нужно ли это вам

Не совсем понял вас, слукавил писатель.

Может, вы только похвалы слушать любите?

Почему только похвалы? Критика это тоже хорошо.

Вы и впрямь так считаете?

Да, соврал писатель.

Женщина вдруг посмотрела ему прямо в глаза, а затем улыбнулась:

Наташка сказала бы: Не верю!

Станиславский тоже, стал раздражаться писатель, чувствуя, что незнакомка видит его насквозь. Ему действительно не нравилась критика, более того, он ее терпеть не мог. Впрочем, герой вечера нашел в себе силы улыбнуться:

Услышать из уст такой красивой женщины

Не продолжайте! резко отозвалась та, вы не должны говорить банальностей. Никогда.

Это еще почему?

Разочаруете таких, как Наташа. А мне бы этого не хотелось.

Слушай, шла бы ты в конце концов отсюда подумал он.

Хорошо, я пошла, спокойно ответила женщина, взяла книгу и вышла, провожаемая растерянным взглядом писателя.

Не обращайтесь на нее внимание, это подошла Надежда Михайловна, по всей видимости слышавшая разговор писателя с женщиной, москвичи они все такие с гонором.

А что, она москвичка?

Кто же еще. Все свободные дома у нас покупали.

Так сейчас, почитай, не лето, что ей в конце октября в Энске делать? продолжал спрашивать писатель.

Дочка у нее больная, вмещалась в разговор другой библиотекарь, Татьяна Ивановна, они от меня через три дома живут. Кто-то говорил, что у девочки с легкими что-то, ей чистый воздух нужен. А его у нас, слава Богу, сколько хочешь. Вот они здесь и поселились. Говорят еще, что у них

Слушайте, народ, перебила всех вошедшая в читальный зал заместитель надежды Михайловны Ольга, у нас уже все готово. Все скворчит и пышет.

Писатель и матушка Евфалия переглянулись.

Арсений Васильевич, вы посидите, пообщайтесь, а потом вас проводят в монастырь.

А может, вы тоже

Нет, нет, мне пора дела.

Какие дела, матушка, вечер на дворе? простодушно удивилась Оля.

Самое главное монашеское дело молитва, ответила матушка и, попрощавшись со всеми,

Писатель уже привык к таким застольям после своих выступлений, но всегда его искренне волновало радушие русских людей. Он знал, какие зарплаты у библиотекарей, абсолютное большинство из которых женщины. На эти копейки многие умудряются в одиночку растить и учить детей. Но вот приезжает гость, и вскладчину собирается стол: домашние соленья, грибочки, тушеная картошка, как говорится, цари вкуснее не едали. И не пивали, а иначе, зачем нужно все это?

Писатель и человек шесть библиотечарских уселись за стол. Первой, на правах хозяйки, слово взяла Надежда Михайловна:

Уважаемый Арсений Васильевич, вот уже во второй раз вы приезжаете к нам, и всякий раз дарите столько радости! Нам очень приятно, что в своих многочисленных поездках, которыми мы восхищаемся

Скажете тоже, пробормотал смущенный, но одновременно и счастливый виновник торжества.

И нечего скромничать! Я правильно говорю, девушки?

Девушки дружно закивали:

Правильно!

Такие рюкзаки таскать. Другой бы плюнул на все

Арсений Васильевич не такой, он патриот

Тише, девочки, тише! вновь уверенно взяла бразды правления в свои руки Надежда Михайловна, согласна с вами: только человек, любящий Россию, нас, своих читателей, способен быть таким подвижником. За вас, Арсений Васильевич, за ваше подвижничество, за ваши новые книги.

Все дружно выпили.

А что же не закусываете, Арсений Васильевич? спросила Оля, или еда не нравится? Чем богаты

Что вы! Все просто замечательно. Только есть у нас, русских писателей-подвижников одна слабость, совершенно с серьезным видом сказал Арсений Васильевич.

Какая? оторвавшись от тарелки, подняла на него удивленные глаза Татьяна Ивановна.

Мы после первой не закусываем.

Раздался дружный смех.

А мой муж говорит, это снова была Оля, расстояние между первой и второй должно быть короче

Короче чего?

Сейчас вспомню, Надежда Михайловна. Вспомнила: короче полета пули.

А мой про взмах шашки говорит, сказала доселе молчавшая скромная Вера Валентиновна.

А мой

Короче, все мужики одинаковы, разница в нюансах, Надежда Михайловна показала на бутылку, Арсений Васильевич, у нас руку нельзя менять: раз начали разливать продолжайте.

Выполнив поручение, писатель поднялся.

Друзья мои, вы не будете против, если я скажу несколько слов?

Еще как не будем!

Слушаем.

Вот тут про мои поездки говорили. На самом деле, не Бог вещь какой подвиг. Обычная работа

Ну, не скажите!

Оля, не перебивай Арсения Васильевича.

Спасибо, Надежда Михайловна. Но вот что интересно, продолжал писатель, а ведь сегодня я отметил юбилей!

У вас день рождения сегодня? Что же вы сразу не сказали?

Нет, Олечка, это юбилей другого рода. Вы не поверите, но сегодня у меня была трехсотая встреча с читателями.

Трехсотая?!

Вот это да!

Да, друзья мои, да. И я, честное слово, просто счастлив, что этот юбилей я праздную в вашем замечательном городе, среди вашего чудесного коллектива. Вот за это я и хочу выпить. За вас, друзья!

Скажите, а вы помните свою первую встречу? спросила Оля писателя.

Слушай, дай человеку закусить, возмутилась Надежда Михайловна, кушайте, кушайте.

Вы знаете, а я могу и есть и рассказывать. Вот такие мы русские писатели способные. Конечно, я помню свою первую встречу. Хотите, расскажу?

Еще спрашиваете!

Правда, если быть совсем точным, надо вести речь о двух встречах. Обе они прошли в один день. Книга, самая первая моя книга, тогда только вышла. Стали поступать отклики, письма. Почти в каждом было приглашение, мол, приезжайте к нам в город. Мне этого тоже хотелось, но я оставался реалистом. Во-первых, работа. Во-вторых, деньги, точнее их отсутствие. Согласитесь, просто так куда-нибудь в Мурманск не соберешься? И я благодарил за приглашения, но отказывал. И вот как-то приходит еще одно приглашение, из райцентра, который называется Некоуз.

А где это? спросила Оля.

Вот и я тоже самое спросил. В Ярославской области, отвечают, недалеко от Рыбинского водохранилища. Поблагодарил я их, только положил трубку снова звонок: Вас Брейтово беспокоит. А где это? спрашиваю. В Ярославской области, на берегу Рыбинского водохранилища. Слушаю, и думаю: а ведь из этого может что-то получиться. А на том конце продолжают: Вы не смотрите, что у нас село. Нашей библиотеке в прошлом году исполнилось 105 лет. У нас есть при библиотеке драматический театр, в нем даже прокурор наш играет. Если вы к нам приедете, мы еще раз отметим Что, простите? 105-летие. Ну и как, скажите, можно было отказаться от такого предложения? Узнаю, что в Некоуз ходит из Москвы один единственный поезд, точнее ходит в Рыбинск, а в Некоузе он стоит две минуты. Беру рюкзак с книгами, друзья везут меня на машине в ближайший от моего города населенный пункт Кимры, где проходит эта ветка. На кимрском вокзале делаю первое неприятное открытие: мой поезд будет стоять здесь целый час. Потом столько же в Кашине, чуть меньше в Бежецке и так далее. А в Некоуз он приходит в пять утра, так что мне придется часа два-три кантоваться на станции, а после искать библиотеку

В поезде я не сомкнул глаз боялся проспать Некоуз. Впрочем, при всем желании мне бы этого не удалось: в вагоне в основном ехали рыбаки, начавшие отмечать будущий удачный улов еще по дороге к Рыбинскому водохранилищу. Но вот и Некоуз. Я оказался единственным, кто здесь сошел. Схожу на перрон. Декабрь. Мороз за двадцать градусов. Над головой огромные зимние звезды, за спиной огромный рюкзак, набитый книгами. Весело скрипит снежок под ногами, но мне совсем не весело: вокзал закрыт на огромный амбарный замок. Поезд, просигналив мне на прощание, скрылся во мгле. Успеваю заметить, что поселок одноэтажный,

дома расположились по обе стороны железной дороги. На какой из сторон находится улица Советская, где располагается местная библиотека? Но спросить-то не у кого. И вдруг слышу песню. Она все громче, громче:

Ой, да не вечер, да не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось

Через минуту ко мне подходит мужичок неопределенного возраста, судя по внешности и одежде бомж. Чувствовалось, настроение у незнакомца было превосходным:

Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Ой, разыгрался расплясался

Привет! он заметил меня. Закурить не найдется?

Я всегда удивлялся, что стреляя закурить, у нас говорится не закурить найдется, а именно так, как сказал этот мужик. Однако тогда мне было не до лингвистических изысков. Передо мной стоял живой человек! Впервые пожалел, что не курю. Знал бы, заранее купил целую пачку.

Прости, не курю, отвечаю.

Бывает, миролюбиво отвечает бомж и идет дальше:

Разрезвился подо мной
Постойте, окликаю его, спросить хочу

И тут же задаю ему вопрос, после которого и он и я начинаем дико смеяться другого слова не подберу. Догадались, о чем я его спросил?

Как пройти в библиотеку? под дружный смех присутствовавших озвучила вопрос писателя бомжу Надежда Михайловна.

В пять часов утра! Ой, мамочки, не могу! заливалась Ольга.

Это Вицин в Операция Ы говорит

А то мы не знаем, Татьяна Ивановна, под новый взрыв смеха заметила заведующая.

Писатель, как опытный рассказчик, с невозмутимым видом выдержал паузу, дождался тишины, и продолжил:

Отсмеявшись, незнакомец задумался, приняв позу роденовского мыслителя. Задумался надолго. Я даже подумал, что бомж уснул. Ан нет: он, посмотрев мне в глаза, с виноватой улыбкой произнес:

Прости, браток, я ведь в библиотеке лет двадцать не был

И вдруг радостно:

Вспомнил! Библиотека у нас находится на улице Советской.

Господи! Да я и сам это знаю. А бомж, повернувшись и, удаляясь от меня, почти без паузы, завел свою шарманку:

Ой, налетели ветры злые,
Да с восточной стороны
И сорвали

Слушайте, а где она у вас, эта треклятая Советская улица?

Мужик остановился, круто развернулся и Мне этого никогда не забыть: он принял позу Маяковского, читающего стихи, то бишь широко расставил ноги, плечи расправил. Затем бомж резко вскинул правую руку в сторону от себя: А у нас весь Некоуз улица Советская! И столько в этих словах было гордости за свой родной поселок, что мое плохое настроение вмиг улетучилось. Тем более, мужик оказался прав: улица Советская составляла своеобразный стержень поселка и тянулась через весь Некоуз.

Но мои встречи с местными оригиналами на этом не закончились. Минут через тридцать двери библиотеки мне, уже изрядно замерзшему, открыла милостивая девушка лет двадцати-двадцати двух. Я понял, что меня ждали: на столе кипел самовар, в тарелках лежали пирожки и бутерброды. Это было весьма кстати, но, согласитесь, в незнакомом месте, рядом с незнакомым человеком не хотелось поглощать еду в полной тишине. Задаю один вопрос девушке, другой, третий. Но на все мои вопросы только да, нет и не знаю.

Сколько жителей в Некоузе?

Не знаю.

Чем здесь народ занимается?

Не знаю.

Сама ты жизнью довольна?

Да.

Где-нибудь учились?

Нет.

А хочешь?

Не знаю.

И далее все в том же духе. Но, похваляюсь, я ее разговорил, честное слово! Очень много Аня, так звали девушку, рассказала. А когда говорила о своей любимой лошади, ее семья держала лошадь, увлеклась. И, знаете, насколько был образен и чудесен ее рассказ, что я забыл о бутербродах

Когда спустя год или два, я, уже подружившийся с некоузцами, вновь приехал к ним презентовать свою вторую книгу, первым делом спросил у директора библиотеки:

Людмила Дмитриевна, а где у вас Аня?

Запомнили? У нее сегодня выходной.

Жаль, хотел с ней поздороваться.

Понравилась?

И это тоже. Но она мне поначалу странной показалась: что ни спрошу не знаю, да и нет только и слышу.

Людмила Дмитриевна рассмеялась:

Сейчас могу вам сказать. Мы ей строго-настрого наказали: к нам едет писатель. Это очень любопытный народ, писатели. Он наверняка станет тебя обо всем расспрашивать. Кто его знает, может, потом такое о нас понапишет! Так что ты, говорим мы Ане, за весь Некоуз отвечаешь. Вот она и ответила

Ну вот, а потом было самое первое в моей жизни выступление перед читателями. В девять часов утра. А потом меня ждало Брейтово. Теперь для меня это место, где живут мои дорогие друзья, а тогда Приезжаю село оно и есть село. Сама библиотека поначалу показалась мне большим кирпичным сараем. Удобства на улице. Захожу и обмираю: зал набит народом. А на передних рядах мужчины и женщины в костюмах 19 века. Догадываюсь: местные актеры. В Некоузе я, похоже, разминался, а тут разошелся не на шутку. Я даже забыл, что мне вечером ехать любимым рыбным поездом обратно. Директор Татьяна Ивановна, мне на часы показывает, а народ, заметив это, зашумел: Пусть говорит! Нам интересно. Но Татьяну Ивановну тоже надо было понять: они действительно собирались повторить празднование своего юбилея. Специально для меня. Спектакль у ребят получился просто замечательным. Особенно хороши были в главных ролях методист библиотеки Олет разошелся не на шутку. Я даже забыл, что мне веч

Взаправду. Понимаешь, друг мой, есть люди, которые работают руками, например, что-то делают, сеют хлеб. Другие работают ногами

Как это?

Например, футболисты. Для них главное ноги.

А руки?

Руками нельзя.

Только вратарю можно?

Точно. Ну, а философы работают только головой. Что так смотришь? В голове у них много мозгов, они ими весь день думают.

О чем?

Да обо всем. Например, что появилось раньше курица или яйцо.

А что раньше?

Подумай. Ты же у нас будущий философ.

Мальчик не мгновение задумался, а потом постучал себя по голове:

Череп от крепких мозгов звенит, чувствуете?

А можно я любимый анекдот Володи Орлова расскажу? спросила Галина у присутствующих.

О чем речь, Галя! ответила за всех Елена.

Да вы что, Галина Аркадьевна? удивился Покровский, при Тихоне рассказывать про катящуюся голову?

Какую голову? Галина Аркадьевна удивилась еще больше.

Что и требовалось доказать, сказала Елена, только дай поспорить. Рассказывай, Галя. Народ просит.

Ну, если народ за, то я, как народ. Тем более, если не про голову.

Рассказываю. Встретились как-то старые друзья, пропустили по сто, то, се

Что пропустили? переспросил Тихон.

Все, помолчи! приказал сыну Михаил. Бенефис кончился, дай взрослым поговорить.

Мальчик отодвинул от себя стакан с соком, встал и вышел из комнаты.

Тихон, вернись!

Лена, не обращай внимания. Сейчас успокоится. Он у нас отходчивый.

Миша, все равно, резковато ты с ним

Согласен. Виноват.

Дочка Лена посмотрела на Наташу.

Все поняла, поднялась та, не переживайте, все нормально будет.

Когда ушла и Наташа, Ирина вдруг вспомнила, что к ней кто-то должен сейчас придти.

Ну, вот, в кои веки хотела рассказать анекдот, развела руками Галина.

Все, сидим и слушаем! Стихи твои слушала, песни тоже, а анекдоты еще ни разу. Тем более, что это любимый анекдот Орлова.

А я говорю, что про голову у него, вновь отозвался Покровский. Все, молчу, Елена Евгеньевна.

Сначала начинаю. Встретились как-то старые друзья, пропустили по сто, то, се. Один другого спрашивает:

А что ты поделяваешь?

Преподаю. Логику, диалектику, философию.

Никогда не мог толком разобраться. Вот что такое логика?

Как бы это объяснить попроще Разве что на примере. Скажем, идут по улице два человека: чистый и грязный. Который из них идет в баню?

Ну наверное, грязный?

Молодец. Вот это и есть логика.

Четко! А что такое диалектика?

Как бы это объяснить попроще Разве что на примере. Скажем, идут по улице два человека: чистый и грязный. Который из них идет в баню?

Так ведь грязный же

Нет! Другой: он потому и чистый, что ходит в баню.

Надо же. Ну, а что такое философия?

Как бы это объяснить попроще Разве что на примере. Скажем, идут по улице два человека: чистый и грязный. Который из них идет в баню?

Ну этот, то есть другой А кто их знает!

Вот тут начинается и тут же заканчивается философия.

* * *

Покровский заглянул в комнату Наташи. Она сидела на своем любимом диванчике и читала книгу.

А где Тихон?

Уже ушел. Я ему прочитала немного.

Успокоился?

Ой, быстро!

А что читала?

Алису в стране чудес. Столько раз читала, а сейчас вот читаю, и оторваться не могу.

А книги, Наташа, как люди. Одни, как друзья, как родные, мы без них жить не можем. Другие, как случайные прохожие, прошел мимо и забыл. А о третьих вообще никогда не узнаем, они просто никогда не встретятся с нами. Не понимаю, как можно, например, читать с экрана компьютера. Книга, только книга! Пахнущая типографской краской, с закладочками Стоит она на книжной полке и как бы говорит. Нет, не как бы, а говорит, на своем языке: дружище, открой меня, я соскучилась, давненько ты не заходил в меня. Кто ты? О, старина Стивенсон! Привет! Как там дела на острове сокровищ? И вам привет Грин, Конан Дойль, Тургенев А что это за маленькая книжка? А зори здесь тихие Господи, это та самая книга, последняя страница которой испорчена: я читал и плакал над ней, потом плакала моя сестра, потом другие люди

Арсений говорил, а Наталья слушала и смотрела на него сияющими глазами. Она была вся внимания.

А вот и ты, Александр Сергеевич. Впрочем, нет, вру

Почему врете?

Пушкин у меня не на полке. Он всегда со мной.

Это выражение такое образное, да?

Ну, и выражение, конечно, но не только.

Арсений снял с плеча сумку, свою вечную и верную спутницу, и через мгновение извлек оттуда большую книгу.

Позвольте представить. А. С. Пушкин. Сочинения.

Ух ты! вырвалось у Наташи. Перед Арсением сидела обычная девочка, подросток Может не говорить? Нет, надо.

Пушкин был гением. Но на моей полке его книга спокойно может стоять

Он же не стоит?

Хорошо. Баратынский, Тютчев, Рубцов, я их считаю великими, а рядом с ними какой-нибудь Иванов Нет, неудачный пример. Иванов не какой-нибудь. Пусть будет какой-нибудь Покровский

Понятно, улыбнулась Наташа, но вы тоже не какой-нибудь.

Спасибо, конечно, но я хочу сказать, на книжной полке никому не тесно.

Но ведь некоторые книги стоят далеко, а некоторые рядом, чтобы всегда можно было взять.

Правильно, но ведь также и с людьми. Без кого-то ты и дня прожить не сможешь, а кого-то, увы, и рад бы увидеть, да он далеко. Но, честно сказать, я постарался сделать так, чтобы книги на моей книжной полке не стояли очень уж далеко.

И всем им хватает места?

Им, конечно, тесновато приходится. Но, с другой стороны, книг через мои руки проходит много. Когда беру новую, определяю быстро буду ее читать, или нет, нужна она мне или я отпущу ее.

Как это отпущу?

Так ведь у каждой книги своя судьба. Опять-таки, как у людей: кому-то слава и почет, кому-то бесславие

Скажите, Арсений Васильевич, но ведь бывает так: когда-то тебе книга нравилась, а потом Разочаровала?

Разочаровала. Или даже уснула.

Покровский улыбнулся и вновь полез в свою сумку.

Ты, случайно, не эту книгу имеешь в виду? спросил он и достал роман Булгакова.

Глаза Наташи мгновенно потухли. Она нахмурилась.

Значит, не избавилась

А вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее. Устал стоять, можно я присяду рядом?

Конечно, можно.

Мне сказали, ты хотела пообщаться со мной по поводу того, что я в своей книге написал о Булгаковском романе.

Очень хотела. Только вы, как я думаю, уже все поняли? улыбнулась Наташа.

Об этом чуть позже. Вот скажи, хороший мой человек, зачем ты так с Леной поступила?

Как? Я ей сказала, что книга не от Бога она против Бога, и что ее надо убрать.

Значит, убрать? Сжечь, порвать?

А почему нет? Это лучше, чем Смирновым отдавать, людей соблазнять

Слушай, Наташа, дашь мне несколько минут?

Конечно! Мне с вами интересно общаться.

Взаимно. Просто хочу обрисовать ситуацию так, как я ее вижу. Если захочешь, потом поспорим.

Я вся внимание.

Ты эту книгу прочитала?

Конечно.

И что-то поняла про нее? Отлично. Лена читала ее давно. Относительно давно, конечно, в пору юности. Культовая книга, согласись, и не для одного поколения. Написана она, кстати, просто блестяще. Но я сейчас о другом. Приходит время тебе читать Мастера и Маргариту, и ты тебе дается возможность увидеть в ней то, что не видели другие, увидеть подспудный смысл романа. Почему бы тебе не сесть рядом с Леной вечером, зажечь вот эту лампу кстати, что-то уже темнеет, можно я ее включу?

Наташа кивнула.

Продолжу Сесть, и ты рассказала бы о том, что поняла. А что ты сделала? Протянула матери книгу и сказала: На, выброси! А ведь Господь дал каждому из нас свободу. Он не хочет видеть ни

в Лене, ни в тебе, ни во мне, ни в ком-то другом машину, автомат, которая будет делать те действия, на которые он, автомат, запрограммирован. Право выбора это великий дар, это акт доверия к человеку Бога И если Господь так с нами поступает

А если я боюсь, что человек, которого люблю, поступит не правильно?

Так я и предложил тебе: зажги для него лампу, а не навязывай ему своей воли У меня была одна знакомая директор библиотеки. Женщина пришла к Богу, как сама говорила. Наступил великий пост. Она решила поститься, причем постилась неистово. Первую неделю одна вода и хлеб. Но ей этого показалось мало. Она решила, сто все ее сотрудники, молодые, пожилые, верующие, неверующие, была даже одна татарка, будут поститься.

Как это такое возможно?

А вот так. Разумеется, утром и вечером директор не могла проверить своих сотрудников, а вот за обедом следила. И знаешь, что стали делать ее подчиненные женщины?

Уходить с работы?

Нет, зачем. Брали с собой бутерброды с колбасой и, пока не видела начальница, ели. Как ты считаешь, какую пользу они получили от такого поста? И стали ли они ближе к Богу?

Многие стали дальше.

Думаю, ты права. Некоторые из них мне прямо об этом говорили. Их сердца ожесточились. Понимаю. Их принудили делать то, к чему они были не готовы

Теперь обратный пример. Один старец

Я перебую вас, Арсений Васильевич. Вот вы говорите, одна знакомая директор, один старец

Тебе нужны конкретные имена, фамилии?

Не обижайтесь, а вдруг, ради воспитательных целей

Говори, говори

Преувеличили немножко.

То есть, приврал.

Но ведь с вами такое бывает?

Покровский хотел возразить, но смотреть в такие глаза и говорить неправду, было просто невозможно. Арсений вздохнул:

Грешен. Но сейчас другое дело. Старца звали архимандритом Ипполитом, привел меня к нему господь на первый взгляд совершенно случайно.

Но кто верит в случайность

Тот не верит в Бога.

Мне наш батюшка, отец Георгий о нем рассказывал. Он к старцу постоянно в Рыльск ездил.

А я был всего один раз. Одна встреча. И она мне всю жизнь изменила. Так вот, я хотел сказать, что был просто поражен его смирением, кротостью Он говорил про себя: Вот кто-то проповедует, а я вообще ничего не могу сказать. Я не умею ничего. Старец не кривил душой, но ведь умел говорить, потому что Господь ему дал дар сердца других людей видеть, людей, которых он любил

Ты прости, что я это говорю тебе, Наташа, после небольшого молчания продолжил Покровский, не собирався я тебе лекцию читать, просто просто

Бойтесь за меня? тихо спросила девушка.

Да. Ты получила дар, а он может раздавить если без любви. Косноязычие проклятое!

Нет, я все прекрасно поняла. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто.

Послушай, не плачь Я же не хотел тебя обидеть.

Ты правда считаешь, что я

Нет, любишь, не ожидавший такой реакции, Покровский был настолько взволнован, что

даже не заметил этого ты, кто бы сомневался! Просто чаще всего в жизни так и бывает, тем, кого мы любим больше, нашим близким, от нас и достается. Принимаем их любовь, как должное

Не то, Арсений. Ты ошибаешься. Почему-то люди думают, что у них столько времени Вы здесь так любите спорить, столько много говорите Вы только и делаете, что говорите, красиво говорите, а дела ваши

Наташа говорила, Покровский слушал ее, не сводя глаз с этого удивительного лица. Теперь перед ним был не подросток, а человек, действительно права Лена! который был старше их всех и имел право так говорить.

Не знаю, почему выбрала Энск, не знаю, почему ты приехал сюда. Наверное, и для меня это очень важно. Не наверное, а важно. Поверь, я услышала тебя. Но и ты должен услышать

Я тебя услышал, Наташенька

Не меня, Арсений. Себя самого. Свой внутренний голос, хорошо, назови его голосом совести. Ты вот говорил о близких

Она вдруг замолчала. Смотрела на него и молчала. Покровский закрыл глаза и увидел отца. Совсем молодого. И себя, пятилетнего, с льняными волосами, сидящего с соседскими девчонками во дворе дома. Ведь уже тогда была в нем эта страсть поразить, удивить Он доказывает подружкам, что пластилин можно есть. Лепит из него морковку и съедает. А вечером температура, бред. Арбуза хочу шепчет он, и папа бежит в десять часов вечера на улицу и о чудо! находит арбуз. Но маленький Арсений уже не хочет ничего температура за сорок и он никого не узнает. А потом все, конец. Сорок один, сорок два. Голова откидывается, и мама Да, мама, как была в ночной рубашке мчится с сыном на руках в больницу, которая находилась совсем близко от дома. Врачи сказали, если бы на минуту позже Впрочем, сколько раз ему так говорили

А вот отцу к пятидесяти. И первая седина. И опять из-за него, непутевого сына. Не поступил первый раз в университет и рванул на юг, в археологическую экспедицию. Денег хватило только на билет до Анапы. Заработанное пошло на билет в обратную сторону, оплату еды, точнее, завтраков. Но он был счастлив. Раскапывал днем древнегреческий город, а вечером, вернее ночью, плавал в море по лунной дорожке в сопровождении дельфинов. Как же назывался тот рыбацкий поселок, в котором жили рыбаки греки? Точно, Джемете. А как звали ту девушку, он уже не помнит Дома Арсений появился только через месяц. Родители уже подали во всесоюзный розыск. Он просто побоялся им позвонить. Смалодушничал. Как потом малодушничал много-много раз. Боялся обидеть, а обижал еще больнее. Не хотел ранить, а рана оказывалась еще глубже Отец именно тогда и поседел

А потом другие лица. Их много. Девушки, мужчины, женщины. Он узнавал их, а они улыбаясь смотрели на него. С кем его сводила судьба, с кем пил, делил последний кусок хлеба, делил кров и даже постель. И кого забывал Да, тут не только малодушие, здесь много чего другого. Но ведь исповедовал это, а потом опять по-новому. Скольких, оказывается, приручил, а потом легко уходил в сторону. Но ведь не легко не всегда легко Не ври! А ведь права девочка, права во всем. А вот это кто? Боже, помоги мне вспомнить ее. Таня, точно, Таня! Москва, медицинская клиника и ты, исстрадавшийся и уже ни во что не верящий, решающийся свести счеты с этим миром. И вдруг мимо проходит она. Случайно. Случайно? И смотрит в твои глаза. И заходит к тебе в палату. А ведь даже фамилии не знаешь, неблагодарный Почему вздрогнула Наташа? Она молчит, у меня закрыты глаза, но я чувствую, я вижу, как девушка вздрогнула. Значит, слово произнесено. Кто не благодарный я?! Я. Точно я Перед родителями, близкими, друзьями, мужчинами и женщинами Перед Богом? Нет, это не правда. Я же молюсь Точнее, читаю правила Не каждый день, конечно, бываю занят В церковь хожу. Ну, ведь хожу же! Ну, не каждую неделю, но ведь не я один такой Открыть, открыть глаза, сбросить наваждение А в мозгу бьет, словно дятел желна по плати дерева: не-бла-го-дар-ный. Какое странное слово, как же он

это не замечал? Дар не во благо? Почему? Почему?

Наташа опять вздрогнула. Маловер. Кто? Он?! Нет, ему легко доказать, что Легко? Покровский открыл глаза. Девушка смотрела на него, как будто Как будто? Она на самом деле все слышала, хотя Арсений не проронил ни слова.

Маловерный?

Кивок головы, едва заметный, скорее движение ресниц. Господи, а ведь Наташа права! Во всем права. Как же там сказано? Если с горчичное зерно будет вера и горы сможешь передвигать. А ты утром встаешь, и думаешь, нет не так беспокоишься, тревожишься А получится ли то, а успеется ли сделать это И как доживу до получки, и сколько книг продам на встрече. И почему колет в боку? Какие горы! Какое зерно! Маловер, право слово, маловер.

Эй, народ, не зная вас, подумала бы, что вы медитируете.

В дверях стояла Елена.

Все хорошо, Леночка, сказала Наташа.

А почему глаза на мокром месте? Ой, да и у вас, Арсений, тоже.

Разве?

Леночка, нам нужно очень много сказать друг другу.

Ну и как? Сказали?

Покровский и Наташа переглянулись.

Кто будет отвечать? улыбнулся Покровский девушке.

Я. Чуть попозже мы сядем под лампой и я все расскажу.

А мне надо идти.

Может, поужинаете с нами, Арсений?

Нет, спасибо. Пора и честь знать. А то уже столоваться стал у вас. Да и дел, правда, много.

Каких дел? Вечер на дворе. Завтра воскресенье.

Вот именно. Надо будет до завтра вымолить прощение у матушки Евфалии. Поросенок, это я про себя на несколько дней исчез и даже не предупредил человека. Потом написать письмо родителям. Потом выплусь. В воскресенье хочу на службу в храм сходить, отец Леонид будет служить. Ну, и дай Бог завтра напишу рассказ про Таню.

Про какую Таню?

А вот когда напишу, обязательно узнаете.

Ловим на слове

* * *

Нагоняй от матушки он получил знатный. Покровский не оправдывался, только повторял: Виноват, исправлюсь, если не выгоните. Но монахиня, несколько раз взглянув в его глаза, словно осеклась.

Я же говорила, живите сколько хотите Арсений Васильевич, случилось что?

Случилось, матушка Только у вас своих забот хватает

А вы не переживайте. Другое дело, если говорить не хотите.

А что говорить? Утром встал, одному юному созданию чуть ли не лекцию готовился прочитать. А в результате

А в результате?

В свою душу вдруг заглянул.

Вот оно как

На самое дно душеньки своей

И?

Если совсем коротко: ужас.

А может, просто вы впечатлительный такой. Завтра утром встанете, солнышко выглянет, все в другом свете покажется?

Ну, вот, вы еще посмейтесь надо мной, матушка. Хотя!.. Наверное, заслужил. Ладно, пойду. Кое-что еще сделать надо.

Подождите, Арсений Васильевич. Смеяться не собиралась. Кое-что хочу вам сказать. Но сначала спрошу. Вы тому юному созданию лекцию не передумали читать?

Покровский горько усмехнулся:

Я теперь никому лекций читать не буду, а уж тем более тому созданию.

Вы удивитесь, но мне хочется поздравить вас.

Меня? Вы шутите, наверное.

Ничуть. Там, где я жила был старенький доктор, чудный человек. Он с моим отцом дружил. Так он любил говорить: лечение начинается тогда, когда поставлен правильный диагноз. Вы его сами поставили себе. Теперь, как говорится, с Богом! Но не унывайте. Враг только этого и ждет от вас.

Затем монахиня перекрестила Покровского и вышла из кельи. Впервые за несколько дней он остался один.

* * *

А через два дня был написан рассказ Операция на сердце. Впрочем, сам Покровский никогда не будет считать Операцию просто рассказом. Скорее, своей благодарностью Богу, врачам, родителям И незнакомой девушке Тане.

Операция на сердце.

Ах, как мы самонадеянны в молодости! А ещё ленивы. Впрочем, зачем я употребляю множественное число? Не лучше ли все эти упреки обратить к себе? Мог ли я предположить, что пройдет время и сотрутся из памяти имена, фамилии, зыбкими станут лица. Слово держал в руках ожерелье, беспечно играл им, пока камешки послушно скользили по нитке. Вдруг оборвалась нитка, рассыпались камни по траве и нет больше ожерелья. Пытаюсь восстановить его, ищу бусинки на земле, что-то находится, но большинство моих драгоценных камешков бесследно кануло. Но я продолжаю искать, воскрешая в памяти дни, лица, имена.

День первый. Московская толпа целеустремленна, серьезна и равнодушна. Но стоит вырвать из неё почти любого, и он с готовностью поможет тебе. Наверное, поэтому я так быстро нашёл Абрикосовский переулок, а в нём хирургическую клинику. Быстро шла и очередь к профессору-консультанту. Когда подошёл мой черёд войти в белую массивную дверь, я понял, отчего это так. Минимум слов, минимум жестов и совсем нет эмоций: "Ваши документы снимки разденьтесь теперь на другой бок можете одеваться". Видимо, так и должно быть: за мной сидела и ждала огромная очередь, люди приезжали сюда из самых дальних мест. Но всё равно, я был разочарован: думал увидеть добродушного говорливого старичка доктора, поговорить с ним по душам, рассказать, что по утрам я бегаю, играю в футбол и вообще физически чувствую себя прекрасно. Ждал слов: "Ну и перестраховщики эти ваши районные врачи". А этот человек в белом халате что-то написал на моём направлении и произнёс всего три слова: "Операция

необходима. Следующий". Сказал так просто и буднично, как говорят: "Закрой форточку, дует". Словно обухом по голове. Бормочу: "Простите, я бы хотел". И на этот раз с долей лёгкого раздражения: "Я же сказал: идите. Я всё вам написал". И вновь улица. Куда-то спешащая толпа. И я, с ватными ногами, бредущий не знаю куда. Как сквозь сон доносится от: "Ты что, слепой?" до: "Молодой человек, вам плохо?" Плохо Это был конец, конец жизни. В двадцать пять лет.

День третий. Оказалось, ещё не конец. Наступило, пусть серое, зимнее, но всё-таки утро. Затем другое. Произошло чудо: мне понадобился всего один день, чтобы пробить уйму бюрократических стен и попасть в клинику. Я знал, что люди ждут своей очереди много месяцев, а мне понадобился всего один день. Сейчас, спустя годы, я понимаю, что без Божьей помощи, без добрых людей никакой крепости моего лба не хватило бы. Но тогда я уже почти счастливый шел с пакетом в руках за медсестрой по длинному больничному коридору. Да, это не наша районная больница. И в помине нет ядовито-зелёных стен, коек в коридоре, запахов, от которых с непривычки человеку дурманит голову. Блеск пола и пластиковых потолков, бесшумная вежливость персонала, комфорт в палатах Но радостных лиц не видно. Хотя мои соседи по палате обрадовались новому постояльцу. Мальчик Серёжа из Костромы вообще оказался прекрасным гидом: "У нас здесь, на восьмом этаже, люди обследование проходят. Затем тех, кто на операцию согласен, переводят на десятый этаж там и готовят к операции. Ну а на тринадцатом операционная" У Серёжи очень редкая и очень серьёзная болезнь: у него поражены с рождения все сердечные клапаны, их ему будут менять на протезы. Но столько в мальчишке живости и энергии, что начинаешь сомневаться в его хворях. Мечтает после операции играть с соседскими ребятами в футбол и хоккей. Целыми днями надувает шар: врач так заставляет его увеличивать объём лёгких, он у мальчика недостаточен. Серёжа с гордостью говорит: "Я раньше с двадцати раз этот шар надувал, а теперь с десяти. Но вообще-то надо с шести".

Да, все разговоры здесь только вокруг здоровья. Целый день только и слышно: сердце, сердце, сердце. Очень быстро становится какой-то нереальной прежняя жизнь. Люди, для которых единственный шанс продлить жизнь это сделать операцию, и которые всеми правдами и неправдами пытались помочь себе, целыми часами сидят у окон и всё глядят, глядят на огромную, до самого горизонта раскинувшуюся Москву. Я её плохо знаю, и москвич Саша с удовольствием показывает мне: "Вон там, видишь? Это Плющиха. Фильм "Три тополя на Плющихе" видел небось"? Через два дня Саша умрёт. Ночью, во время сна, так и не дожив до операции.

День пятый. Удивительно, но дни в больнице идут быстро. Анализы, процедуры, исследования Постепенно знакомлюсь с людьми. А с медсёстрами уже успел подружиться. Славные девушки. Особенно Лена и Ирэн. Подруги, они словно не знают, что такое плохое настроение. Такие люди в больнице на вес золота, больные их очень любят. За постом дежурной медсестры несколько мягких диванов и телевизор. Для больных это своеобразный культурный центр. Обмениваются новостями, слухами женщины и здесь остаются женщинами: они знают всё и обо всех. Странно, но москвичей мало, в основном приезжие, хоть географию изучай: от Кавказа до Дальнего Востока. Я понемногу наблюдаю за ними. И в самом деле, просто поразительно видеть на одном квадратном метре столько жизнелюбия, стойкости. Поверьте, это не высокие слова. О своих болезнях, страданиях говорят очень обыденно и просто. Павел Евгеньевич из Ярославля уже лет пятнадцать вынужден спать сидя. Стоит ему лечь, что-то происходит с сердцем, оно начинает останавливаться. Николай из Риги. Ему дома сделали операцию, но неудачно. Сказали, что жить осталось недолго, но оперировать не хотят: "Мы вас обследуем, а потом езжайте в Ригу. У вас там есть свой сердечный институт". Ходит он с большим трудом, после трёх-четырёх шагов долго передыхает, в руках всегда нитроглицерин.

Мне он объясняет, что дело в том, что шансов на успешную операцию у него мало. А у врачей тоже статистика своя, им не нужны неудачные операции, когда человек на столе умирает. " Но я не уеду отсюда все равно. Лучше на столе умереть, чем так жить".

Но есть и другие люди. По коридору взад-вперёд ходит невысокий пожилой человек в спортивном костюме. На больного не похож. Оказывается, блатной, ежегодно ложится на месяц подлечиться. Подошёл ко мне: " Парень, беги отсюда. Здесь людей, как собак режут. Беги". Засранец. Сытая, холёная физиономия. Так и захотелось съездить по ней. Коля отзывает меня в сторону: Не кипятись, хотя и гад он ещё тот. Разве можно на людей поклёп возводить. Врачи здесь мировые, не сомневайся. Я отвечаю, что не сомневаюсь, но нельзя же позволить у людей отнимать надежду. А именно надеждой живём здесь мы все.

День седьмой. Хорошо поговорил с лечащим врачом. Милая, какая-то вся уютная, домашняя женщина. Как же её звали? Надо же, забыл Несколько лет проработала в Африке. Рассказывает о дочке-школьнице, о домашней собаке породы " ньюфаундленд", из шерсти которой она связала себе уже кофточку

Серёжу перевели на десятый этаж. Недели через две-три ему сделают операцию. В больнице есть негласный обычай: не обмениваться адресами, даже если подружился с человеком. Я сначала думал, что это обычное суеверие, потом понял: это из чувства такта. Бывало ведь и так: приходит письмо, а отвечать некому

День тринадцатый. Все обследования закончены. Сегодня последний день 1982 года. В столовой Ирэн и медбрат Володя наряжают ёлку. Больные с удовольствием им помогают. Первый раз в жизни встречу Новый год вдали от родных. Утром пришло письмо от родителей и сестрёнки. Волнуются, ждут встречи. Господи, почему я раньше не ценил всё это дом, семью. Оказывается, какое это счастье просто идти по улице, встречаться с друзьями, стоять под дождём

Нам разрешили сегодня нарушить режим, тем, кто захочет, разумеется. Человек десять пришли в полночь в столовую. Каждый нёс, что у него было. Желали друг другу счастья и поднимали стаканы с компотом, кефиром и соком. За моим столом сидит очень красивая, небольшого росточка женщина. Неля. На её щеках пунцовый румянец, похожий на крылья бабочки. Когда мы познакомились, я допустил бестактность: " Интересно, что с таким румянцем в больнице делать"? Но она не обиделась. После я узнал, что такой узор на щеках признак очень слабого и больного сердца. Неля около года ждала, чтобы её положили в клинику. И то, что это ей удалось, считала началом новой, светлой полосы в её жизни. Через месяц Нели не станет, но я и по сей день помню ту новогоднюю ночь, стаканы с компотом. В воздухе словно разлилась какая-то удивительная атмосфера теплоты и нежности. Женщины, привыкшие ходить в халатах, конечно же, не могли одеть лучших своих нарядов, но принарядились, как могли. Включили телевизор. Но больше говорили. Мечтали о том, чем будут заниматься, когда сделают операцию, вспоминали родных, друзей.

Ребята, поверьте, произнёс Николай, мы ещё выпьем шампанского. И твист станцуем. О, если бы вы знали, как я танцевал его в молодости! Николай был очень артистичен. Он подошёл к Неле и хорошо поставленным голосом, учтиво склонившись, пригласил её на танец:

Ну, а пока что медленный. Я сегодня готов на подвиги.

По телевизору пели песню про лаванду, Неля и Коля танцевали, и я видел, что сегодня все, собравшиеся в этой столовой, были счастливы. Стало шумно. Пришёл Володя. Судя по всему, он где-то встречал Новый год совсем не компотом.

Ну, вы даёте, ребята! Меня так с работы уволят. Вы уж не шумите, пожалуйста. Сказал, и умчался дальше праздновать

Прошло с тех пор немало лет, но до сих пор, когда я слышу по радио "Лаванду", передо мной

как наяву танцующие Неля и Коля. Жив ли он? Хочу верить, что жив. И благодарен ему за тот заряд оптимизма, что он давал каждому из нас.

День шестнадцатый. Новый год в больнице начался плохо. На операции, первой в году, умер мужчина. Я видел его всего пару раз. Он ходил с шахматной доской под мышкой и искал партнёров. Потом его перевели на десятый этаж. И вот случилось такое. Медсестра Лена сообщила подробности: врачи здесь не причём. Он умер до операции, но на операционном столе. От инфаркта. Страх разорвал его сердце. Неудачной стала и вторая операция. По горькой иронии, умерший сосед шахматиста по палате. За обеденным столом я видел всегда их вместе. Он был полный, дышал, как паровоз. Ел обычно долго, и шахматист терпеливо ждал его, не уходя в палату. Лечащий врач на мои расспросы, ответил коротко: " Это же всё-таки сердце. Бывает, всё вроде бы пройдёт успешно, а сердце пустить так и не удаётся. А бывает такое безнадежное сердце и всё прекрасно заканчивается".

Хуже, что началась паника среди больных. Многие выписались. Печально, что в клинике существовал суровый закон: тот, кто отказывался от операции и выписывался, вторично сюда не принимался.

И вот когда я собирался дочитывать уже изрядно надоевшего Дрюона, этот автор был в те годы очень популярен и книги его можно было приобрести за сданную макулатуру, неожиданно в палату вошёл хирург Вадим Прелатов. Он присел на мою кровать и сказал: "У меня к вам серьёзный разговор. Давайте пройдем ко мне в кабинет".

Вообще-то для сердечников, ожидающих операцию, хирурги боги. Каждый имеет своих поклонников, как какой-нибудь артист. Не знаю, как хирурги выбирали себе больных, но это быстро становилось известным. Когда я узнал, что в перспективе меня будет оперировать Прелатов, и спросил Николая, как к этому относиться, он ответил лаконично: "Самый лучший вариант".

Тогда Прелатову было под сорок. Впрочем, могу ошибаться. Тогда все люди старше меня казались солидными, как говорится, "в годах". А он и впрямь производил впечатление. Молчаливый, вид всегда суровый. Когда он стремительно шёл по коридору, больные показывали новеньким на него: "Это сам Прелатов". Конечно, среди хирургов клиники были люди и с большей известностью, лауреаты, но Прелатов, в отличие от пожилых "звёзд", достиг того возраста и такого уровня мастерства, когда больные, а это народ самый сведущий, говорили: "Пусть у академика В. больше наград, но к Прелатову попасть как-то надёжнее".

И вот я сижу в его кабинете. Молчание затягивается. Прелатов внимательно смотрит на меня, будто решая говорить или нет.

Видите ли, наконец начал он. У нас сейчас сложилась не очень нормальная ситуация. Надо бы людей поддержать. Две неудачные операции подряд для нас ЧП. Одним словом, я хочу вас прооперировать.

Когда? только и смог спросить я.

Завтра. У нас как раз операционный день. Не волнуйтесь. Даю вам слово, что всё будет хорошо. Сердце у вас компенсировано, я видел, как вы утром по лестницам бегали

Лёгкие увеличивал.

Правильно. Есть, правда, одна сложность, чисто техническая. Мы на операцию забираем с десятого этажа, туда и возвращаем после реанимации, а мест сейчас там, мне сказали, нет. Но мы что-нибудь придумаем.

Странно, но на меня нашло какое-то удивительное спокойствие. Я обычно, перед тем как идти к зубному, дрожу как осиновый лист. А тут вдруг мелькнула мысль: "Наконец-то! побыстрей отделаться и дело с концом". Когда вечером Ирэн принесла мне целую кучу успокоительных таблеток, я отказался: Зачем мне они? Вообще-то я всегда был не прочь

поиграть на публику, но в тот момент я действительно не рисовался. Хотелось только одного: чтобы быстрее прошло время. И я придумал себе занятие: взял справочник по какому-то художественному музею и до глубокой ночи переписывал имена художников и названия картин

День семнадцатый. Утро. Я почти механически почистил зубы, умылся. Подошёл к окну. Январь, а снега ещё нет. Вернее, он растаял после новогодней ночи. Москва была в дымке. Плющи не видно. Зашла Ирэн: "Ты не готов ещё? Надо ехать". Прямо в палату ввезли каталку. Меня заставляют снять всю одежду. Натягиваю простыню до подбородка.

Ирэн, да я сам дошёл бы до оперблока.

Не положено. И вообще, молчи, и набирайся сил.

Меня везут по коридору. Из палат выходят люди. Впервые прямо отсюда увозят на операцию. Кто-то желает удачи, кто-то просто машет рукой. Ирэн пытается казаться строгой: "По палатам, нечего смотреть", но по глазам вижу, что переживает.

Наконец и операционная. Последнее чувство, которое помню стыд. Снимают простыню, а сверху, на балконах, за стеклом десятки людей в белых халатах. Наверное, практиканты. Подносят маску. И самая последняя мысль, перед тем, как глаза мои сомкнёт сон: "Проснусь ли?"

День девятнадцатый. Открываю глаза. Пелена. Какой-то гул вокруг. Несколько секунд удивительнейшее чувство, которое ни до, ни после я не переживал: не знаю, кто я. Будто моё "я" улетучилось куда-то. Затем постепенно пришло понимание того, кто я есть. Но возник второй вопрос: где я, что со мной? Пытаюсь спросить. Из горла доносится какой-то хрип. Опускаю глаза откуда-то из груди торчит трубка, вторая во рту.

Чего-чего? уже явственнее слышу насмешливый голос, Те, кого я принял за ангелов, оказались бригадой врачей реаниматоров. Старшая из них подошла ко мне:

Очнулся, голубчик?

мени колько? пытаюсь спросить?

Ещё раз.

Времени сколько?

Много, голубчик. Третий день дрыхнешь.

Третий?!

Третий, третий. Мы тебя уже будить собирались. Храпел, как сурок.

Так значит я живой, и операция прошла благополучно? Радость дала силы голосу:

Я не храплю. Это трубки ваши.

Гляди, разговорился, а потом, когда трубки во рту уже не было, подошла и погладила мою руку:

Молодчина. Всё хорошо. А сейчас молчи и набирайся сил они тебе ещё пригодятся.

День двадцать пятый. Я-то думал, что после операции всё останется позади. Наивный. Лишь несколько дней спустя до меня дошёл смысл слов врача реаниматора: "Набирайся сил". Неделя в реанимации стала самой тяжёлой в моей жизни.

Огромная комната. День и ночь горит яркий свет. Постоянно работает какая-то машина, гудящая как трансформаторная будка. Грудь моя, с огромным багровым шрамом, сшита титановой проволокой. Никак не привыкну к клапану: раньше я не слышал своего сердца, теперь и днём и ночью стучит в груди, как маленький молоточек. Но гораздо хуже другое: после операции начались осложнения. Обычные, как говорят врачи: воспаление лёгких, увеличилась печень. Кашель постоянный, с утра и до утра. Ощущение такое, когда кашляю, что кто-то невидимый бьёт в грудь ножом. До крови кусаю губы, но кашель не подавить. Всё из-за той же располованной грудины спать можно только на спине. Пить разрешено не более стакана воды в день. Почти вся она уходит на запивку уймы таблеток. Кто-то посоветовал сосать лимон.

Правда, помогает это плохо. Мне кажется уже, что я, прожив двадцать пять лет, так ничего и не знал. Не знал, что такое боль, что такое жажда, когда ждёшь следующего дня, чтобы сделать глоток воды. Не знал, что человек может резко измениться, даже внешне, в течение всего нескольких дней. Меня пришла проведать Ирэн. Попросил у неё зеркало. На меня смотрел чужой человек: на исхудавшем лице одни глаза и огромная чёрная борода, особо чудно смотревшаяся на фоне светлых волос. Оказалось, что во время операции, которая продолжалась пять часов, в меня влили огромное количество донорской крови. Сильный наркоз дал скорый рост бороды, а чужая кровь её цвет. Но тогда я не мог с юмором отнестись к этой ситуации. Больше того, буквально с каждым часом я ощущал, как меня оставляет желание жить. Если бы меня, как положено, на третий день после операции перевели в обычную палату, где рядом находились бы люди, куда пускали родных может быть, я легче переносил бы все эти муки. А здесь Боль и яркий свет, жажда и непрекращающийся гул машины. На двадцать пятый день моего пребывания в клинике я окончательно решил: лучший для меня выход уйти из жизни.

Когда решение пришло, стало даже как-то легче. Мозг работал лихорадочно. На окнах решётки, видимо, не я один иду по этому пути. Выпить горсть таблеток разом? Здесь люди опытные и быстро работают, вмиг откачают. Да к тому же медсестру не хочется подводить. Отчаянье душило меня. Каждый новый приступ кашля только усиливал становившееся непреодолимым желание умереть.

Но Господь сжалился надо мной. Хотя в тот момент о Боге я вообще не думал. Мой ангел-хранитель явился в виде медсестры Тани. В тот день она дежурила на другом посту. На моё счастье, проходя по коридору, она заглянула в реанимационный блок, где я лежал. Девушка увидела мои глаза, и, наверное, всё поняла.

Я знал, что медсестру зовут Таня. Красивой и даже симпатичной назвать её было трудно, а в то время я выделял девушек только по этому признаку. А потому Таня меня не интересовала. Когда она присела на краешек кровати, я вдруг впервые увидел её глаза. Большие, тёплые, в них застыло то ли удивление, то ли радостный восторг: люди, как прекрасен мир, как прекрасны вы сами, неужели этого никто не замечает? Таня, неожиданно для меня, положила свою руку на мою и стала говорить, говорить. О том, что учится на вечернем отделении мединститута, что любит свою работу, и какие здесь девчонки замечательные, как они помогают друг другу. Однажды она допустила какую-то оплошность в работе, а старшая медсестра, хоть и строгая женщина, но оставила её упущение без наказания. Но больше всего Таня говорила о своей маме, какая она у неё замечательная, метеоролог, очень известный в Москве. У мамы друзья по всему Советскому Союзу, она по делам службы часто уезжает в командировки. Завтра Таня собирается ехать на аэродром, встречать маму. Ужас, как соскучилась по её блинчикам. Обязательно принесёт их мне.

Она говорила, а ледяной ком в груди словно таял. Так весной ручеек на пару с солнышком растапливают корку прибрежного льда. Я смотрел на Таню, на её лучистые глаза и не узнавал её. Более красивой девушки я не встречал в жизни. И доброй. Лежу здесь никому не нужный, всеми забытый, а она говорит о своей маме, которую я никогда не увижу. Наверное, у неё и впрямь замечательная мама. А моя? Господи, неужели я такой эгоистичный дурак? Решил себя порешить и даже не подумал, что далеко-далеко, в маленьком домике не спит ночами, думая обо мне, моя мать. Но я, считающий себя забытым всеми страдальцем, так ни разу и не вспомнил о ней. А Таня всё продолжала и продолжала говорить.

Ледяной комочек в груди растаял окончательно. Мне уже дикой казалась сама мысль о добровольном уходе из жизни. И тогда, именно тогда до моего сознания дошло: операция на сердце, начатая неделю назад, сегодня, сейчас завершилась. Начал её хирург Прелатов, а закончила Таня. Холодное, эгоистичное и равнодушное сердце больное сердце. Человек,

думающий только о себе, такой же сердечник Впрочем, это я сегодняшней могу именно так вспоминать те дни, а тогда тогда я понимал только одно: Таня спасла меня.

И надо же такому случиться, буквально через тридцать минут после её ухода, с каталкой в реанимационную въехала сияющая Ирэн: "Тебя начальство разрешило вести к нам опять, на восьмой этаж. Сколько работаю, не припомню такого". И вот я на каталке, так и хочется написать на "щите", бородастый, худющий, но уже ничего и никого не стесняющийся, еду по знакомым коридорам. Это был триумф, скажу я вам.

День сороковой. Машина скорой помощи выехала из Москвы. Меня везут в санаторий Переделкино, восстановиться после операции. Машина останавливается прямо напротив центрального входа. Только что я ехал по грязным и мокрым московским улицам, в потоке машин. А здесь тишина. Сосны и снег. Неспешно и степенно гуляли люди. Белка сидит на ветке и смотрит на меня глазками-бусинками. Водитель скорой, молодой паренёк, помог мне выйти. Предлагает подождать носилок, но я уже могу пройти в день до ста шагов, а потому прошу его не беспокоиться: "Дойду потихоньку". А сам стою и не могу надышаться. То ли солнце такое яркое, то ли соринка в глаза попала, но отчего-то они повлажнели. Неожиданно для себя самого, опускаюсь на колени и целую землю. Паренёк растерянно стоит рядом, не зная, что делать. Остановились многочисленные гуляющие и удивлённо смотрят в мою сторону. Но мне всё равно. Я уже столько дней никого и ничего не стесняюсь. Не стесняюсь выражать чувства, не боюсь показаться смешным. Ну и пусть я смешной. Зато я знаю то, чего не знают ни парнишка водитель, ни эти люди. Я знаю, какое это счастье жить. Просто жить

Вот я и нашёл один камешек из ожерелья, которое рассыпалось в моих руках. Найти бы другие.

* * *

А еще через день в монастырском дворе, где он помогал сестре Елизавете укутывать стебли роз, чтобы они не пострадали в морозы, ожидавшиеся со дня надень, Арсения окликнули.

Елена? Покровский и не собирался скрывать своего удивления.

Она самая. Бог в помощь.

Спасибо. Что-то случилось?

Почему обязательно случилось?

Тогда, значит соскучились?

Услышав последние слова, сестра Елизавета едва заметно улыбнулась.

Вроде управились до темна, сказала она, у меня еще дела есть, а вы поговорите.

Вот-вот, Арсений вздохнул, права Наташа: кто-то делает, а я все говорю, говорю

Опять самоедством занимаетесь?

Вовсе нет. Правду легче увидеть, чем услышать. Кстати, что мы стоим? Хотите чаю?

Вы какой-то стихийный. Соскучились правду легче увидеть хотите чаю. Давайте по порядку.

Давайте.

И ничего не соскучилась. Прочитала Феклу. Очень понравилось. Знаю, что еще что-то написали. Хотелось бы прочитать.

Без проблем. Все будет.

Было видно, что Елена смущена. Впрочем, и Арсений чувствовал себя не в своей тарелке. Обычно в таких случаях он легко брал шутливый тон, но сейчас ему этого не хотелось.

А еще мне просто любопытно. Не смотрите так. Да, любопытно! Они, видите ли, такие умные, что-то про Мастера поняли, а мне ничего рассказать не изволили.

А разве

Молчит и улыбается. Правда, говорит, пусть книга будет в доме. Смилостивилась.

Как же это жестоко Нет, в самом деле, когда тебе любопытно, а все молчат.

Смейтесь, смейтесь. Наташка сказала: если хочешь, чтобы все стало понятно, пусть придет Арсений и расскажет. А заодно и книгу принесет.

Так вы меня приглашаете?

Не я. Ну и я тоже приглашаю. Вот, теперь, кажется, все. Придете?

Когда?

Сегодня. Сейчас. Наташа ждет

По дороге к ермоловскому дому они практически не разговаривали. Разве что Елена почти у самого дома спросила:

Арсений, а что вы имели в виду, когда сказали, что правду легче увидеть, чем услышать?

Он пожал плечами.

Мысль изреченная есть ложь

Любите Тютчева?

Очень. Что имею в виду? Может, даже кого. Себя. Согласитесь, мы слышим много правильных слов. Мы сами их охотно говорим А живем чаще всего вопреки этим словам. Вопреки правде. И если порой что-то до нас доходит и, кажется, все, это теперь во мне навсегда, теперь-то я буду хорошим, поступать стану только по правде, по совести, а проходит время Один пример. Чуть больше месяца прошло, когда еще там, и Покровский показал рукой куда-то в сторону, где я живу где жил, меня словно бы озарило: Я счастливый человек. Господь меня ведет по жизни, ведет так, что мне должно каждый день только и делать, что благодарить Его: Господи! Слава, Тебе Боже, за все! Но вот прошла неделя, вторая. Это как у моего знакомого алкоголика: как прихватит его сердце, он пугается и слово себе дает: все, больше ни-ни. Подлечится, боль проходит. С опаской, но выпивает рюмку, потом вторую. Ничего, жив. Сердце нормально бьется. И он забывает о своих обещаниях и сроках.

Это есть

Неблагодарность. Наташа все верно показала мне. Как ей удалось это не понимаю.

Уж не думаете ли вы, что она магией занимается.

Упаси, боже! Я думаю, Наташа просто молилась, чтобы Господь показал мне меня.

Он замолчал, а потом добавил тихо: Арсения Покровского показал Арсению Покровскому, разучившемуся слышать

* * *

Они сидели втроем, сидели тихо. Уютно светила лампа, без света которой Покровский уже скучал. Понимая, что происходит сейчас в душе Елены, старался говорить как можно мягче. Наташа полулежала на любимом месте, улыбаясь своей это Арсений заметил улыбкой совсем не подростка. Когда время от времени Покровский бросал взгляд на девушку, он чувствовал, что ему легче находить нужные слова.

Какой он все-таки удивительный, наш язык. Живой. Вот именно живой, меняющийся. А еще мудрый. Какой ты человек, что у тебя на душе все скажет язык. Ничего не скроет. А посмотрите как интересно: слово осталось, а смысл у него уже другой, не тот что прежде. Более того, мы и забыли тот, первоначальный смысл. Скажите, Елена, вы слышали такое выражение: попасть впросак?

Конечно. По-моему его и объяснять не надо. Всем известно, что оно означает.

Правильно. Только объясните мне, в какой такой просак мы время от времени попадаем? Не знаю. Сколько живу, столько знаю это выражение.

А между тем просак это стан, на котором в старину сучили веревки. Чуть зазевался и запутался в веревках. Со стороны, наверное, забавно выглядело. Барахтается человек в веревках, пытается освободиться, а ничего не получается. Вот так и появилось: попасть впросак. Стан тот давно стал музейной редкостью, а впросак мы время от времени продолжаем попадать.

Надо же

Это только один пример. Их на самом деле множество. Но сейчас мы о другом

Да, я надеюсь. Это, конечно, интересно, но

Лена, не перебивай, пожалуйста, Арсения. Он тебя подготавливает.

Извините.

Спасибо, Наташа. Подготовка уже заканчивается. Еще одно слово. Очаровательный. Сейчас, когда его произносят словно высшую оценку дают. Очаровательная девушка, очаровательная музыка. А наши предки чаровниками, очарователями называли тех, кто якшался с нечистой силой и хотел при ее помощи соблазнить, обмануть ближнего своего. Мастер и Маргарита очаровательный роман. Столько людей им соблазнились, даже не понимая, что они читают.

То есть, они глупые все.

Нет, очарованные. В этом и сила чар.

Колдовских? улыбнулась Елена.

Зачем же? Дьявольских. Есть истина, с которой даже спорить не стоит: дьявол есть обезьяна Бога. Ну вот, все необходимые вступительные слова произнесены, давайте откроем эту книгу. И пусть даст нам Господь мудрости. Простите, если у меня будет много сумбура, но я не собираюсь читать вам лекцию. Просто, повторяю, будем листать страницы.

Вот, посмотрите, это говорит бродячий философ Иешуа Га-Ноцри на допросе у пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата: Я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец сириец. Как же тогда быть со словами господина: Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца? Не перебивайте, Елена, пожалуйста, я скажу все, а потом посмотрим. Вы, наверное, хотели сказать, что Иешуа не Иисус Христос. В том-то и дело, что это именно Иисус Христос, наш Господь. Правда, такой, каким видит Спасителя Булгаков, и каким он хочет, чтобы мы видели Его. Помните, Воланд говорит Берлиозу и Ивану Бездомному: Имейте в виду, что Иисус существовал. Я не могу не восхищаться талантом автора Мастера. Мы очарованы героями романа, даже если посланцы ада, мы в плену иллюзии абсолютной достоверности. И мы даже не пытаемся внутренне возражать, когда на наших глазах творится миф. Не возражаем и соблазняемся. Вот, потрясающая реплика Иешуа по поводу записей его ученика Левия Матвея: Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной. Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в это пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал. Несколько строчек всего, и устами же своего героя автор отверг истинность Евангелия.

Если уж речь зашла об Левии Матвее. Примечательная подробность: он предстает перед Воландом в странном облике: мрачным оборванцем, выпачканным в глине. Но явился Левий из области света. И что свет не преобразил его? Более того, рядом с сатаной евангелист откровенно жалок. Как можно такому верить, тем более, что ему призывает не верить сам Иешуа. А кому верить? Конечно же, сатане. А поскольку рукописи не горят, дьявол быстро вернет сожженную рукопись к бытию. И мы будем читать дальше. Иешуа. Робок и слаб. Простодушен и непреклонен, наивен до глупости. Его называют мудрецом. Но мудрец ли он, ежели готов вести беседу с кем угодно, о чем угодно. Как тут не вспомнить предупреждение господина о том, что

нельзя метать бисер перед свиньями.

Покровский остановился на мгновение, чтобы перевести дух.

Но по-человечески Иешуа очень притягивает к себе. Именно своими человеческими слабостями. Тем, что даже когда говорит откровенную нелепость: правду говорить легко и приятно, свою правду он не остерегается высказать даже тогда, когда она, его правда, становится угрозой для его собственной жизни. Его проповедь как бы поверх времени, поверх конкретных обстоятельств. Он возвещает свою правду вопреки здравому смыслу. Поэтому он высок. Как личность. По человеческим меркам. Но эта высота

Человеческая, впервые подала голос Наташа.

Да, именно так, человеческая по природе. Он человек и только человек. В нем ничего нет от Сына Божия, Того Самого, кто явил нам высший образец смирения. Вот она, наша правда: Тот, Который одним взглядом мог бы уничтожить, разметать, рассечь всех утеснителей своих и палачей, принял от них поругание и мученическую смерть по доброй воле и в исполнение воли Отца Своего Небесного. Иешуа, который отца своего не знает и смирения в себе не несет, слаб. Он зависит от последнего римского солдата. Да, он жертвенно несет свою правду, но это скорее романтический порыв человека, плохо представляющего свое будущее. Христос знал, что Его ждет, Иешуа простодушно просит Пилата: А ты бы меня отпустил, игемон и верит, что это возможно. А ведь Понтий Пилат и впрямь был готов отпустить нищего проповедника, да помешала примитивная провокация Иуды из Кириафа. Это один из важнейших моментов романа, ибо Иешуа своей репликой совершает нечто иное, а отвергает Голгофу

Наташа держала в руках Библию, принадлежавшую Арсению. Когда тот сказал: отвергает Голгофу, девушка протянула ему книгу:

Возьми, прочти здесь. Для сравнения.

Покровский понимающе кивнул:

И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою! Он же обернувшись, сказал: отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое Евангелие от Матфея, из главы шестнадцатой. Все так. Враг больше всего хотел бы отвержения Голгофы, ибо это было отвержением домостроительства спасения. Оттого, так резок в своем ответе Господь: отойди, сатана! Получается, Иешуа высказывает именно сатанинскую мысль. Вот и выходит, что перед нами евангелие от сатаны. Но продолжим сравнивать. У Иешуа нет трезвой мудрости Христа. Перечитаем евангелистов: как немногословен перед лицом Своих судий господь. И как говорлив Га-Ноцри. Он, награждая всех званием доброго человека, договаривается до абсурда. Да, да: это ж надо, оказывается, центуриона Марка изуродовали именно хорошие люди. Получается, Иешуа находится как бы по другую сторону добра и зла. Что здесь общего с истинным милосердием? Господа нашего, простившего своим палачам их преступление, ибо Христос ясно видел все темные человеческие стороны и резко обличал пороки тех, с кем Ему доводилось общаться. Иешуа же не может никому и ничего прощать, ибо простить можно лишь вину, грех, а он не ведает о грехе. Делаем вывод: следовательно, он не может взять на себя и грех мира. Не может стать подлинным Искупителем. Иешуа Га-Ноцри не предназначен судьбой к совершению искупительной жертвы, не способен на нее. Вот перед вами центральная идея булгаковского повествования о бродячем философе-правдовозвестителе. И это отрицание того, что несет Новый завет. Между прочим, как проповедник Иешуа безнадежно слаб

Послушайте, друзья, не выдержала Елена, я же не спорю. Вы убедительны.

Не мы, сам Булгаков

Молодец, Наташа, как сказала!

Вы как будто репетировали Я хочу сказать про последние слова. Мне, наоборот, когда я

читала, показалось, что именно как проповедник Иешуа был очень убедителен.

Очарование, Елена Евгеньевна, все тоже очарование. А ежели вчитаться? Он же не в состоянии дать людям главного веры, главной опоры в жизни. Самый верный его ученик не выдерживает первого же испытания и в отчаянье посылает проклятья Богу при виде казни Иешуа. Слабость Га-Ноцри в том, что не ведает он Истины. Сейчас найду. Вот:

Что такое Истина? скептически вопрошает Пилат. Христос здесь безмолвствовал. Все уже было сказано, все возведено. И что было говорить тому, кто стоял перед Истиной и не видел ничего в духовной слепоте своей.

А вот многословный ответ Иешуа:

Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Каково? Раз уж заговорил мы ждем ответа на величайший вопрос, какой только человек может задать Богу. А все свелось к сеансу психотерапии. Сейчас этого мудреца-проповедника назвали бы экстрасенсом. Истина же оказалась сведенной к незамысловатому факту, что у кого-то в данный момент болит голова.

Впрочем, не Иешуа посвящен роман, и даже не Мастеру с Маргаритой, а сатане. Воланд вот кто главный персонаж всего произведения. И, заметим, самый обаятельный персонаж, выступающий к тому же гарантом справедливости, творцом добра, праведным судьей для людей. Он активно вмешивается во все события и всегда действует во благо от наставительных увещеваний вороватой Аннушки до спасения рукописи Мастера. И в то же самое время

Почему вы замолчали?

Боюсь, что утомил вас, Елена.

Совсем нет. Мне очень интересно.

Арсений улыбнулся.

Все равно, пора закругляться, а то я до утра не закончу. В заключении же скажу о том, на что люди, читающие роман, почти никогда не обращали внимания. Кто-то же сказал, что дьявол есть обезьяна Бога. С этой стороны посмотрим на сюжет Булгаковской книги. Между событиями в Ершалаиме и Москве неразрывное единство. Их просто нельзя разделить, московские главы невозможно понять без ершалаимских. События в Москве разворачиваются на Страстной седмице, точнее в Великую Среду. На календаре 1 мая 1929 года. Это день не только солидарности трудящихся, но согласно средневековым верованиям именно в этот день бесовская сила устраивает свой шабаш. В Великую Среду Иешуа предстает перед Пилатом. В храмах в этот день читается евангельский текст о женщине, разбившей алавастровый сосуд с миром, чтобы возлить его на голову Христа. Аннушка, разбивши бутылку, разливает масло на рельсы, в результате чего оказывается отрезанной голова Берлиоза. Имя Анны означает благодать, у Булгакова же к этому добавляется прозвище Чума. Согласитесь, сочетание явно пародийное и кощунственное. Похороны Берлиоза, вынос его тела, лишенного украденной головы! происходит в пятницу в три часа пополудни, когда на богослужении совершается вынос Плащаницы, символизирующей тело Христово. Великий бал сатаны дается в ночь с пятницы на субботу, когда Бог умер, когда его как бы нет, что попускает дьявольской силе особую власть. А теперь зададим главный вопрос: с какой целью Воланд посещает Москву? Чтобы дать свой очередной бал? Но ведь не просто же потанцевать задумал сатана? А дело в том, что и великий бал и вся подготовка к нему это не что иное, как черная месса, сатанинская анти-литургия. Уже в первой сцене на Патриарших прудах начинается своего рода черная проскомидия. Гибель Берлиоза включается в

магический круг сатанинской мистерии: его отрезанная голова, украденная затем из гроба, превращается в потир, из которого в завершение бала причащаются преобразовавшийся Воланд и Маргарита. Под крики Аллилуйя! беснуется на балу прислуга Воланда. Как мы знаем, на Литургии в храме читается Евангелие. Для черной мессы надобен иной текст. Роман, созданный Мастером, становится ни чем иным как евангелием от сатаны, очень искусно введенным в структуру произведения об анти-литургии. Вот для чего была спасена рукопись Мастера, вот зачем оболган и искажен образ Спасителя Мастер исполнил предназначенное ему сатаной.

Неожиданно Арсений замолчал. Он смотрел на Наташу с таким видом, будто только что сделал открытие. Девочка кивнула:

Правильно.

Ты хочешь сказать, что знала об этом?

Да, поэтому и попросила Лену уничтожить книгу.

Послушайте, великие мыслители, может не будете делать вид, что меня здесь нет?

Елена, сейчас все объясню. Просто я и сам поражен

Арсений

Простите, я хотел сказать, что сам недавно увидел в романе то, о чем сейчас вещал вам. А точку, последнюю, поставить не мог.

Какую точку?

Если хотите последний кирпичик в стенке. Наташа, обратился Арсений уже к девочке, ты мне помогла?

Самую малость, улыбнулась та в ответ.

Но как?

Молилась.

И все?

Почему и все? Это самое главное. Но ты закончи, пожалуйста. Для Лены.

Конечно, конечно. Понимаете, ведь если мы признаем, что Булгаков исповедовал евангелие от Воланда, тогда необходимо будет признать: весь роман оказывается судом над Иисусом канонических Евангелий, совершаемых совместно Мастером и сатанинским воинством. Ершалаим совместили с Москвой, которая некогда была третьим Римом, а стала второй Голгофой. А это уже хула. Хула для духа. А это не прощается. Послушайте, а может мы все-таки сделаем то, что предлагала Наташа?

Вы о чем, Арсений? не поняла Елена.

О книге. Уберем ее из нашей жизни.

Сожжем?

Легко.

А кто-то помнится выговаривал Наташе

Да, это был я.

Теперь вы думаете по-другому?

Не надо иронизировать, Елена.

Я совсем не иронизирую. Просто это отдает

Говорите, говорите. Про фашистов еще вспомните, которые книги жгли.

Что вы за люди? резко поднялась со своего места Наташа, как только оказываетесь вместе, всегда спорите. Лена, с тем, что Арсений говорил о романе, ты согласна?

Согласна. Говорил он убедительно.

Ты хочешь держать ее у нас дома? Я бы не хотела. Другим отдавать

Наташенька, я понимаю, все понимаю, но жечь книгу

Лена, Покровский старался говорить, как можно мягче, получается, что никому из нас эта

книга не нужна. Отдать ее кому-то, будет означать соучастие в соблазне других людей. Сжигание станет скорее символическим актом, важным для нас самих. Мы сожжем не просто книгу, а евангелие от сатаны.

Ну, хорошо, а как вы это представляете?

Арсений и Наташа переглянулись.

Костер?

У нас в садике Заодно и мусор сожжем.

Тихона попросим подсобить

Елена рассмеялась.

Посмотрите на них! Поджигатели Вам бы в средневековой Испании жить.

Елена Евгеньевна, между прочим, есть один древний арабский трактат по медицине

Что, его надо тоже сжечь?

Да мы больше ни одной книги в жизни не сожжем. Правда, Наталья?

Правда, Арсений.

Считаете, что таким как вы оба можно верить?

Конечно, считаем. Правда, Наталья?

Правда, Арсений.

О чем же я хотел сказать? Вот перебили вы меня, Елена Евгеньевна.

Вы говорили о каком-то арабском трактате, Арсений.

Спасибо, Наталья.

Послушайте, последний раз предупреждаю: будьте серьезнее.

А зачем? Помните, что говорил наш знакомый барон?

У меня нет знакомых баронов.

Один есть Мюнхгаузен. Так он говорил

Знаю. Все глупости на земле свершаются с умным видом.

Правильно.

Вы решили сделать глупость с глупым видом?

Хорошо сказано, Елена Евгеньевна.

Спасибо, Арсений.

Послушайте, последний раз спрашиваю, это была уже Наташа, с минуты на минуту к нам придет стихийное бедствие по имени Тихон, а потому надеюсь получить ответ: что было написано в арабском трактате?

Понял. Отвечаю. В арабском трактате было сказано: пять действий рождают чудо смотри на воду, на огонь, на зеленый цвет, любуйся красивым лицом и пей мед. Что вы так на меня смотрите, барышни? Мы будем все заметить! приобщаться к чуду.

То есть?

Будем есть мед, он, надеюсь, у вас есть, смотреть на огонь, смотреть друг на друга

Елена рассмеялась:

Арсений, вы от скромности не умрете

Я знаю. Моя любимая поговорка: скромность украшает, но зачем мужчине украшения?..

Понятно. Вы будете смотреть на мое лицо?

Нет, на Наташино, а вы на мое.

Спасибо, Арсений.

Пожалуйста, Наташа.

Не, ну вы даете. Скажите, а мне разговор про книгу Булгакова не привиделся?

Отнюдь, Елена Евгеньевна. Более того, это была последняя гастроль артиста.

В каком смысле?

Утром я пообещал матушке, что больше не буду читать лекций. Но для вас решил сделать исключение. Оцените?

Уже оценила. Только у вас нестыковка.

То есть?

Огонь имеется, красивые лица по крайней мере, два имеются. Мед найдем. А вот с зеленым цветом и водой проблема.

Не вижу проблемы. У Смирновых я видел мощную такую ванночку видимо, совсем юного Тихона в ней купали. Мы с Михаилом быстренько ее заполним и поставим возле костра

Надо же А кто с зеленым цветом поможет?

Вы.

Я?

У вас очень красивые зеленые глаза. Мы будем время от времени в них заглядывать. Правда, Наталья?

Правда, Арсений.

Это комплимент?

Отнюдь, пожал плечами Покровский, констатация факта.

Понятно. А как мне быть?

В смысле?

Где мне найти зеленый цвет?

Этого мы не учили, Арсений. Чудо будет не полным, констатировала Наташа.

Чудо будет. Мы так легко не сдаемся. Елена Евгеньевна будет смотреть на меня

Ну, это понятно, хмыкнула Лена, я буду есть ложками мед, смотреть на ваше лицо

Время от времени переводя взгляд с него на ванну с водой и костер

Понимаю. А зеленый цвет?

Покровский встал и прошелся по комнате.

Вот, что нам нужно! и с этими словами он снял с полки книгу. Какой чудесный зеленый цвет. Что это у нас? Николай Рубцов. Чудесно мой любимый поэт. Я буду держать книгу перед собой, Елена Евгеньевна. Кстати, обожаю открывать поэтические книги наугад. Давайте, попробуем?

Зачем? Вы суеверны?

Нет. Но я люблю знаки.

Покровский открыл книгу. Потом удивленно поднял брови.

Что же вы молчите?

Да как-то не скромно Вот, прочтите сами, и Арсений протянул книгу Елене. Та стала читать:

Брал человек

Холодный мертвый камень,

По искре высекал

Из камня пламень.

Твоя судьба не менее сурова

Вот так же высекать

Огонь из слова.

Но труд ума,

Бессонницей больного,

Всего лишь дань

За радость неземную:

В своей руке

Сверкающее слово

Вдруг ощутить,

Как молнию ручную!

Интересно. А можно я тоже попробую?

Конечно же.

Елена открыла небольшой зеленый томик. Арсений увидел, как женщина побледнела.

Глупости все это. И она захлопнула книгу.

* * *

Галина Аркадьевна не любила время праздника. На границе осени и зимы одиночество и какая-то странная душевная тоска становились все нестерпимее. А когда это происходит с тобой в чужом, практически незнакомом городе Нет, она была благодарна Ларочке и своим соседям, не обделена вниманием и даже заботой, Галина Аркадьевна чувствовала доброе отношение к себе этих людей и была очень признательна им за это, но Наступал вечер и подступала тоска. Наверное, если бы рядом был кто-то на чье плечо Ах, уж это крепкое мужское плечо! Всю жизнь она мечтала о нем, и порой казалось: вот оно, сбылось! Галина Аркадьевна грустно усмехнулась: скоро на пенсию выходить, а как была она той наивной девчонкой с огромными доверчивыми глазами, так и осталась. Била ее жизнь, била, но все без толку

А потом, благо был повод день рождения дочери, она впервые, в полном одиночестве, достала купленную четвертинку водки и и тоска отступила. Пусть на какое-то время, но отступила. Потом, утром, Галина Аркадьевна дала себе зарок больше не повторять эксперимент, однако наступил следующий вечер, повода вроде бы не было, но только что ушел от нее чудесный и очаровательный Тихон, обезлюдили и без того тихие энские улицы, и она, быстро одевшись, пошла в магазин

Галина Аркадьевна подошла к дому, так и не ставшему родным. Привычным движением, на автомате, открыла калитку, достала из сумочки ключи, но отпереть дверь в квартиру не успела. Она услышала голоса. Кто-то говорил тихо, но в воздухе стояла такая тишина, что Галина Аркадьевна слышала почти каждое слово, доносившееся из садика Ермоловых. Женщина замерла, прислушиваясь. Она быстро поняла, что разговаривают Елена и Арсений. Голос Елены:

и я очень беспокоюсь за нее.

Голос Арсения:

Признаюсь, удивлен. Никогда не замечал за Галиной Аркадьевной подобного.

Так и я не замечала. Почти не замечала. Но народ говорит

Галина Аркадьевна вышла из темноты. У догоравшего костра сидели Елена, Наташа и Арсений. Мать и дочь сидели обнявшись, укрытые большим пледом. У Наташи были закрыты глаза, и непонятно было, бодрствует она или спит. Арсений сидел напротив, вороша палкой догоравшие угли.

Так что говорит народ, ребята?

Наташа открыла глаза и тихо ответила:

Не обращай на них внимания, Галя, эти двое тихо и беззлобно сплетничают про тебя.

Тихо и беззлобно?

Ну, может, не совсем тихо, как оказывается

А ты знаешь, солнышко, что местный народ говорит про этих двух супчиков?

Про нас уже говорят? улыбнулась Елена.

Галина Аркадьевна не ответила.

Мне можно составить вам компанию? спросила она.

Да, конечно, поднялся Арсений, садитесь на мое место, а я сяду на место Тихона.

Хорошая у вас компашка подобралась.

А вы присоединяйтесь. Раз уж про нас говорят

Пусть говорят, Арсений Васильевич. В годы моей юности фильм такой был.

Помню. Там еще певец испанский играл

Рафаэль.

Точно, Галина Аркадьевна. Простите нас, мы не сплетничали

Я знаю, Арсений Васильевич, знаю, Леночка. Впрочем, дыма без огня не бывает. Что так смотрите? Я про себя. Другое дело, что все эти разговоры пустой треп. Что еще делать в маленьком городишке, как не перемывать косточки ближнему своему. И даже не ближнему, а просто знакомому. Или совсем не знакомому.

Не обижайте Энска, Галина, так было везде и всегда.

Вы правы, Леночка, вы опять правы Ладно, забудем. А знаете, я так давно не сидела возле костра. Неужто, греетесь?

Ну, отвечайте человеку, Арсений Васильевич.

У меня всегда длинно получается, Елена Евгеньевна, пусть лучше Наташа.

Девочка не заставила себя уговаривать:

Просто мы должны были здесь собраться, вот и все.

Должны? Вы?

Мы. И мы собрались.

Хочешь сказать, зачем-то это было нужно?

Так я же это уже сказала.

Между прочим, Галина Аркадьевна, подал голос Покровский, помнится, кто-то мне обещал свои стихи почитать

Что, вот именно здесь? А впрочем, почему нет. Может, действительно это и нужно сегодня. Только вот с чего начать?

Тетя Галя, начни с моего любимого. Пожалуйста.

Колокольчики?

Да.

Выгорели брови,
Посветлели косы,
И на пестрой юбке
Маки отцвели.

Хорошо идти мне
Так, простоволосой,
К дальней деревеньке
Тающей в пыли.

В реченьке Мологе
Омываю ноги
И с мосточка долго
На мальков смотрю.

Тропочки-тропинки,

Пыльные дороги
Приведут под вечер
В тихую зарю.

Что же деревенька
На заре подарит?
Чем же будет вечер
Этот знаменит?

Зазвенит подойник
Зазвенит комарик.
Может, колокольчик
Даже зазвенит.

Вот такие стихи я раньше писала

Галя, а теперь мое любимое прочти, пожалуйста. Там еще есть строчка: Вкусная была у нас вода.

Галина Аркадьевна удивленно посмотрела на Елену:
Это твои любимые?

Молодая женщина неожиданно засмушалась:

У меня все твои стихи любимые. Правда. Но хотелось, чтобы ты сейчас прочитала эти.
Хорошо, солнышко.

Скрипнула шальная половица
Раньше не скрипела никогда.
Он вошел и попросил напиться.
Вкусная была у нас вода.

Поднесла ему я полный ковшик
Из ведра, прикрытого в углу.
Шуганула с лавки сытых кошек,
Пригласила к нашему столу.

\

Опорожнил ковшик. Глянул с лаской.
Хороша, хозяйюшка, вода.
И чего я залилася краской?
Раньше не краснела никогда.

Я сказала: Оставайтесь, право.
Вон какая темень на дворе.
Постелю вам в комнате направо,
Встанете пораньше на заре.

Но в ответ прохожий белокурый:
Нет, пойду. Темно да не беда

И чего я разревелась, дура?
Раньше не редела никогда.

А теперь для меня что-нибудь персонально, попросил Покровский Галину Аркадьевну.
Надо же, улыбнулась она, будто у меня творческий вечер. Давненько этого не было.
А чтобы у костра в саду такого, наверное, никогда?
Никогда, Наташенька. Прочту ка я вам, Арсений Васильевич, вот это:

Потом, быть может, я раскаюсь.
Потом. Быть может. А пока
Наш красный рейсовый Икарус,
Лети до города Торжка!

Там колокольни белоствольны,
Там тень резная у крыльца.
Течет несуетно и вольно
Река по имени Тверца.

И о ночлеге мы попросим
В избе исправной мужика,
И нам на память вышьет осень
Золотошвейка из Торжка.

Торжок! Да что тут торговаться?!
Любую цену мы дадим
За то, чтоб снова было двадцать.
Хоть ночь одну. Хоть день один.

За стены белые Успенья,
За комнатушку в три шажка,
За шорох листьев на ступенях,
За праздник города Торжка

Надо же А ведь у меня в жизни была похожая поездка
Не скромничайте, Арсений Васильевич, у вас много было поездок.
Не надо ехидничать, Елена Евгеньевна, я конкретно о Торжке Галина Аркадьевна, еще хочу.
В Торжок?
В Торжок я хочу всегда, Елена Евгеньевна. Сейчас я хочу слушать стихи.
Но Галина Аркадьевна молчала, затем тихо произнесла:
Вот подумалось вдруг: не станет меня, но останется дочка. И стихи. У меня их много, очень много. Только
Только что, Галя?
Не знаю, как это сказать, Наташенька Я без стихов не могла жить
Их будут читать, вот увидишь, перебила Галину Аркадьевну девочка.
Спасибо, грустно улыбнулась та.

Мы все так думаем, Елена погладила Галину Аркадьевну по руке. А еще они будут нужны людям. Очень нужны. Только, пожалуйста, не говори о себе в прошедшем времени. Договорились?

Хорошо, не буду. Давайте вот это:

Лежу на лугу
Средь каких-то цветов златоглавых.
Щавелевый стебель
Сжимает забыто рука.

Касаются неба
Тончайшие длинные травы,
Кудлатому облаку
Нежно щекочут бока.

И божья коровка
На лоб мой легко приземлится.
И спустится с неба
По стебельку муравей.

Как будто бы там,
В голубой и высокой столице,
Им отдан приказ
Попроведать сегодня людей.

А эти цветы
Поплавками им по небу плавать.
В том недостижимом
И недостоверном краю.

Но с неба стекают
Тончайшие длинные травы
И нежно щекочут
Пригретую щеку мою.

Внезапно впрочем, наверное, совсем не внезапно, просто они все забыли о времени погас последний огонек в костре, улетела в небо последняя искра. Арсений скорее почувствовал, чем увидел, как вздрогнула Наташа. На чердаке дома скрипнула дверца. Потом, много позже, и Лена и Покровский будут вспоминать те мгновения, когда погас последний огонек костра, когда откуда-то издалека донеслось тоскливое гав-гав-гау-у неизвестного Энского Полкана и в наступившей темноте они услышали стук это было падение о землю первой снежинки. Это так и было, они слышали падение снежинки. Арсению на какое-то мгновение показалось, что он видит свечение над головой Галины Аркадьевны, которое, словно августовские падающие звезды, пронзали падающие снежинки вторая, пятая, сотая. А Елена этот свет увидела в глазах Наташи, влюблено и прощально смотревших на Галину Аркадьевну, которая вдруг подняла лицо к небу и, словно разговаривая с кем-то, начала читать:

Ночная жизнь сверчка и светлячка.
Ночная жизнь летучей мыши.
Сомнамбулы, шагающей по крыше.
Душистого ночного табака.

Невнятный шум. И яркий аромат.
Какая-то огромная работа,
И тайный смысл ходьбы до поворота.
От поворота, и опять назад.

Тревожное мерцанье, шелест крыл,
Зовущий запах, белая рубаха.
Зачем они пред тьмой не знают страха?
И кто окно чердачное открыл?

И тот смертельно узенький карниз.
И лунный луч. И сомкнутые веки.
Есть неземное что-то в человеке,
Что не дает ему сорваться вниз.

Морзяночка нездешняя сверчка.
И светлячка полночные сигналы.
Кому они? Какой планете малой?
Ночная жизнь Во тьме скрипит устало
Раскрытое окошко чердака.

* * *

Да, ночная жизнь, нарушил молчание Покровский, в последнее время чувствую, что превращаюсь в филина. Или сыча веду исключительно ночной образ существования.

Тогда кем мне назвать себя? спросила Елена. Совой?

Ну, почему сразу совой? Есть множество птиц, ведущих исключительно ночной образ жизни.

Вы эльфы, ребята, наши энские эльфы, Галина Аркадьевна поднялась, впрочем с завтрашнего дня я тоже к вам присоединюсь, если примите в свои эльфийские ряды.

Что ты хочешь этим сказать, Галина? спросила Елена.

Как я поняла, вы существа ночные, значит, для вас сейчас все только начинается. Приглашаю ко мне.

Зачем? Ермолова не могла скрыть удивления.

Во-первых, сегодня у меня состоялся литературный вечер, первый за несколько лет, да еще в такой романтической обстановке, а во-вторых

Да, Галя, что, во-вторых?

Как-то не хочется о грустном, Леночка Вот Арсений Васильевич и Наташа все поняли. Ведь так?

Ни Покровский, ни девочка не проронили ни звука.

Вот, молчание знак согласия

Значит, я одна такая бестолковая?

Лена, тихо проговорила Наташа, Галя хочет сказать, что ей завтра не надо спешить на работу

Вы все-таки вмешались, Галина Аркадьевна

Да, Арсений Васильевич, я, как вы выразились, вмешалась. Сегодня утром истек ультиматум Абакумова. Я пошла к Князеву и сказала сказала Что вы так смотрите на меня? Какой снег! Первый Между прочим, я стала замерзать. Пойдемте ко мне, а, ребята? Так не хочется сегодня быть одной

Сердце Елены пронзила острая, как лезвие, жалость. Галина стояла перед ними маленькая, хрупкая, снежинки падали на ее лицо и тут же таяли, смешиваясь со слезами.

Пойдемте, уверенно, словно отрезал, произнес Покровский, и Елена поняла, что он чувствует тоже, что и она.

Хорошо, только Наташу уложу

Ой, спасибо! совсем по-детски обрадовалась Галина Аркадьевна, Немножко посидим, у меня есть все

Лена, я пойду с вами

Наташа, это не обсуждается. Уже поздно.

Я не маленькая, Лена.

Дело не в этом. Ты устала, а режим соблюдать нужно.

Говорю же тебе, я пойду с вами. Ну, пожалуйста!

Зачем это тебе, Наташа?

Не понимаешь?

Нет.

Мне не хочется это говорить.

Можно это скажу я? обратился к девочке Арсений. Та кивнула. Елена Евгеньевна, ваша дочь считает, что сейчас она очень нужна Галине Аркадьевне.

Надо же, начала было закипать Ермолова. оба такие понятливые, сочувствующие, одна я такая

Ты не одна, мама. Мы все вместе. Как эльфы из сказки

* * *

Когда Галина Аркадьевна поставила на стол бутылку водки, Покровский и Ермолова переглянулись. Впервые за все время их знакомства Арсений почувствовал, что может разговаривать с этой женщиной глазами. Сегодня мы не будем отказываться? спросил он Елену.

Не будем ответила она.

Мы понемножечку, словно извинялась Галина Аркадьевна, правда, понемножечку

Наташа полулежала на диване. И Покровский, и Елена, не сговариваясь, посмотрели на нее. В ответ Наташа улыбнулась и ответила глазами: Молодцы. Все правильно.

А потом они сидели и разговаривали. Впрочем, в основном говорила Галина Аркадьевна. Покровский и Ермолова слушали, почти не притрагиваясь к незамысловатой закуске.

Понимаете, ребята, я же выросла в другое время. Дружба, взаимопомощь для меня были не просто слова. Сам погибай, а товарища выручай мой папа всегда любил это повторять. Вот вы осуждаете меня

Мы не осуждаем, Галя.

Спасибо, Леночка ребята Да, не осуждаете, точнее, не судите, но и не понимаете. Сегодня

утром истекал абакумовский ультиматум. На Орлова смотреть было страшно, его Князев каждый день к себе вызывал, угрожал, ругался, требовал от Владимира Олеговича явки с повинной к Абакумову

Но Владимир Олегович стойко держался, как андерсеновский оловянный солдатик, усмехнулся Покровский.

Вы зря иронизируете, Арсений Васильевич. Если бы Орлов был один он давно все рассказал бы. Он не трус. Но у него жена молодая жена, которая ждет ребенка. Владимир Олегович думает о них. Если его выгонят с работы, кто его в нашем Энске и куда возьмет? С волчьим билетом то Бог не дал бы пропасть.

Не знаю, Арсений Васильевич, не знаю, но для начала в Него верить надо.

Ваша правда, Галина Аркадьевна, только я слышал, что у Князева, как это у нас говорят? дочь в подоле принесла, жена болеет часто

Ну, да Все правильно. Вот я и пошла к редактору и сказала, что статью написала я.

А он? спросил Покровский.

Кто? Редактор? Обрадовался. Позвонил Абакумову. А вскоре мне уже выдали расчет.

С Князевым все понятно. Как к этому отнеслись ваши коллеги?

Как отнеслись к тому, что я призналась?

Вы не признались, Галина Аркадьевна, вы оговорили себя. Как отнеслись к тому, что вас выгнали с работы, выгнали подло и незаконно.

Зря вы так, Арсений Васильевич. Во-первых, законно

То есть?

Я написала заявление об уходе с работы по собственному желанию. Ведь все равно бы жизни не дали

Сволочи! Покровский встал, налил себе полную рюмку водки и выпил, не закусывая. Елена с удивлением смотрела на него, такого Покровского она еще не видела.

Сволочи! повторил он. опять повторяюсь:? Не понимаю. Ну не понимаю! Откуда в нас такое? Был клопиком, комариком, махоньким! хлопнешь никто не заметит. Но вот насосался кровушки, набрался силушки и все теперь он царь и бог. Вы посмотрите, ведь не просто надо отомстить, надо растоптать, уничтожить, но одновременно, чтобы все по закону было, по собственному желанию Ну и где этот гребаный закон? Там где сильный, там где кровососы?

Арсений Васильевич, милый, да не переживайте вы так. Ничего же не изменилось. Это было мое решение и

Галина Аркадьевна, все понимаю и не понимаю одновременно. Кстати, а товарища выручай, говорите. Повторю, и как же товарищи отреагировали, особенно один меня интересует?

А вы знаете, очень хорошо. Лариса Ивановна пошла к Князеву, просила не звонить Абакумову. Потом они, девчонки наши, вообще такое придумали Забастовку объявить, представляете?

Какие девчонки?

Лариса Ивановна, Людмила Михеевна, все, одним словом.

Что, и дочь Тяпкина?

Так она это и предложила.

Надо же! Ну и что дальше?

Я их отговорила. Не хочу, чтобы из-за меня

Недоговариваете, ох, недоговариваете, Галина Аркадьевна.

Ну, почему же, Арсений Васильевич, я действительно отказалась

Не сомневаюсь, что так и было

Арсений, Леночка, почему вы опять так на меня смотрите? Хорошо, хорошо, вы правы. Я понимала, что Орлов

Откажется бастовать? Ты не хотела окончательно

Да, не захотела. Он и без того морально чувствует себя ужасно

Они замолчали.

Ребята, что мрачные такие? Не пьете, не едите Так не пойдет Помните, в песне одной поется: А не спеши ты нас хоронить.

Конечно, помним, ответила за всех Елена. Потом она повернулась к Покровскому:

Арсений Васильевич, но ведь мы должны помочь Галочке? Было не совсем понятно, спрашивает она или говорит утвердительно. Помнится вы хотели письмо про энские безобразия в газету написать. Ту самую

Энские безобразия хорошее название для статьи, казалось, что Покровский успокоился, однако столь обычная на его лице улыбка так и не появилась. Я понял вас, но статьи не будет.

Почему? Неужто боитесь? Или для статьи фактов мало. Кстати, я бы и начала с этого позорного факта расправы с Галиной.

Все проще, вздохнул Арсений, писать больше некуда.

Неужели газету закрыли? Говорили же, что те ребята, журналисты, никого не боятся.

Что вы заладили, Елена Евгеньевна боятся, не боятся. Простите

Прощаю. Так в чем же дело?

Формально газета продолжает существовать. А фактически Ее выпускали на деньги одного бизнесмена, а он теперь их не дает. Помещение, где размещалась редакция, тоже было его. Он попросил освободить. Причина проста: этого бизнесмена вызвали куда надо и все объяснили толково и понятно.

А куда надо это куда?

К губернатору. Ну, может быть, не к самому губернатору, но так ведь и в Энске у Абакумова есть Тяпкин Одним словом, бизнесмен все понял и взял под козырек. Не дурак же он, на самом деле, с властью отношения портить.

Неужели это все из-за одной статьи про Энск?

Нет, конечно. Они опубликовали письмо одного священника из какого-то маленького городка. Этого священника отец Леонид хорошо знает, он-то мне историю и поведал. Отец Андрей, тот кто письмо написал, очень много с детьми из трудных семей занимается, с наркотиками они борются, детские летние лагеря организуют. На все деньги нужны, вот они и создали фонд. Даже какой-то грант областной выиграли. Половину денег им перечислили, а половину обещали потом. Под эти обещания деньги отец Андрей занял у кого-то, чтобы достроить что-то, подробностей не знаю. Только, одним словом, в конце концов, кинули его.

В каком смысле? спросила Галина Аркадьевна.

В прямом. Денег он так и не получил. Сверху ему намекнули, мол, радуйся и тому, что дали. Можно только догадываться, куда оставшиеся деньги делись, но молчать отец Андрей не захотел и обратился с открытым письмом к властям. Вот после этого газета тихо и незаметно прекратила свое существование. Грустно, конечно, но сейчас меня больше волнует Галина Аркадьевна.

Я вас волную? Это приятно слышать.

Галя, не переводи все в шутку. Пожалуйста. Я согласна с Арсением Васильевичем. До пенсии тебе еще

Еще работать и работать, Леночка.

Куда ты теперь пойдешь?

Разве что в уборщицы, и то вряд ли возьмут.

А можно сказать мне? Это была Наташа. Предлагаю сейчас ничего не решать.

Почему, дочка?

Все равно ничего не решите. А утро вечера мудренее.

Это понятно, Наташенька, только сейчас мы все вместе собрались, а помнишь, как Тихон любит говорить? Двое-трое не как один.

Нет, ребята, не уходите, пожалуйста, взмолилась Галина Аркадьевна.

Так я и не предлагаю уходить. Ты же сама говорила, что это был твой первый литературный вечер за много лет. Вот об этом говорите, стихи почитайте, а решать не надо.

Но только представь, дочка, Галя утром проснется, а вокруг четыре стены.

Наташа только плечами пожала:

А нас, что, рядом нет?

Так ей работать надо.

Ты же не работаешь?

Нашла с чем сравнивать! У нас другая ситуация

Та же самая. Просто мы с тобой знаем, что Бог никогда никого не оставлял. А Галина сомневается, есть ли Бог вообще.

Галина Аркадьевна подняла на девочку свои темные глаза и грустно сказала:

Ты права, солнышко. Иногда очень сильно сомневаюсь

Неожиданно Покровский улыбнулся, впервые за весь вечер.

Дорогая Галина Аркадьевна, хочу вам сказать, что не вы первая, не вы последняя. Вам имя Фома ничего не говорит? Помните, апостол такой был? Пока сам, говорил, не убедюсь не убежусь не поверю. Но ведь убедился же. Убедитесь и вы, вот увидите.

* * *

Вот так и получилось, что только эти несколько людей видели, как в Энск пришла зима
16.05.2008г.

* * *

Это все, что Виктор успел написать в своем новом романе. 19 мая 2008 года его не стало. Последние два дня он не мог работать, говорил, что сюжетная линия должна поменяться, настраивался на новый рубеж. Но, Господь забрал его, не дав возможности дописать книгу. Не знаю, почему так случилось, такова была воля Господа. Знаю только, что все герои нового романа люди, которых Виктор встречал на своем жизненном пути в последние несколько лет. Они достойны того, чтобы о них узнали читатели.

Хочется надеяться, что книга выйдет. Каждый сам додумает судьбы героев: что станет с Арсением и Еленой, выживет ли Наташа, как сложится дальнейшая судьба Галины Аркадьевны. Хотя о ней нужно сказать отдельно.

На одной из встреч с читателями в Твери Виктору подарили сборник стихов местной поэтессы Галины Безруковой. Рассказали о ее судьбе. К сожалению, Галина рано ушла из жизни, попала в автокатастрофу. Виктор был потрясен талантом Галины, очень сожалел о том, что с творчеством ее мало кто знаком. Не меняя традиций написания своих книг, он наполняет их стихами, в данном случае это стихи Галины Безруковой. Какую судьбу готовил Виктор Галине Аркадьевне мы уже никогда не узнаем, я думаю, что ему очень хотелось таким образом продлить

ее творческую жизнь.
Анна Лихачева.

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.